

МАРЬЯНА КУПРИЯНОВА

ГОРБОВЕСКИЙ

роман о бцднях вирцсологов

Марьяна Куприянова

Горбовский

«Автор»

2016

Куприянова М.

Горбовский / М. Куприянова — «Автор», 2016

Жгучая ненависть вспыхнула между учёным и практиканткой. Она амбициозна и мечтает освободиться от тирана-отца, а он — битый жизнью профессионал своего дела. Но как не вовремя она устроилась в НИИ! Именно сейчас внутри него завёлся шпион, а снаружи нависла угроза биологической катастрофы.

© Куприянова М., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Предисловие	5
Словарик	6
Глава 1. Протест	9
Глава 2. Три-Г	13
Глава 3. Гром среди ясного неба	18
Глава 4. Японская вишня	24
Глава 5. Кошмары	29
Глава 6. Девятьсот девятый	33
Глава 7. Белоснежные перчатки	39
Глава 8. Привкус железа	43
Глава 9. Огненный шторм	47
Глава 10. Вживление	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Марьяна Куприянова Горбовский

Предисловие

Роман о буднях вирусологов был задуман в 2015 году, на третьем курсе филфака, под огромным впечатлением от произведений Стругацких. Много в нем, помимо эпиграфов, отсылает к произведениям моих любимых братьев-фантастов, включая фамилии персонажей, атмосферу и сам сеттинг – научно-исследовательский институт, а также этические вопросы и сложные выборы.

Жанрово я определяю «Горбовского» как роман-катастрофу и любовную драму. Социальной фантастики здесь больше нет, потому что мы пережили ковид, а роман как раз о пандемии вируса. Правда, когда я его писала, то и подумать не могла, что через несколько лет буду жить в похожих событиях... Что все это может стать реально в 21 веке. Поэтому мои рассуждения из 2015 года местами могут показаться наивными, но я специально (почти) ничего в них не поменяла, чтобы сохранить истинный дух истории, немного наивный, пропитанный идеалистическими представлениями, верой в светлое будущее и человечество.

Не относитесь слишком серьезно к научной составляющей романа. Разумеется, мне пришлось изучить кое-что, дабы разбираться на базовом уровне, почитать несколько диссертаций, чтобы знать азы, но я уверена, что настоящим профессионалам в этой сфере текст покажется скорее фантастическим (каким он и задумывался). Прошу держать в голове, что эта история есть чистый художественный вымысел, а не документалистика событий, в которых мы жили с конца 2019 года.

В первую очередь это роман о людях в условиях быстро развивающейся катастрофы. Я помещаю героев в такие условия, чтобы показать, как меняются их взаимоотношения, какие вещи отходят на второй план, а какие, напротив, становятся приоритетом. И как даже самые плохие качества уступают место лучшему, что есть в человеке.

Словарик

Вирусология – раздел микробиологии, изучающий вирусы, их морфологию, физиологию, генетику, а также эволюцию вирусов и вопросы экологии.

Вирус – простейшая неклеточная форма жизни в виде микроскопической биологической частицы, представляющей собой молекулы нуклеиновых кислот (ДНК или РНК), заключённых в защитную белковую оболочку, и способной инфицировать живые организмы.

Вирион – внеклеточная форма существования вируса. Вирионы метаболически инертны и активируются только после взаимодействия с клеткой, чувствительной к данному вирусу.

Вириды – инфекционные агенты, состоящие только из кольцевой РНК. Вызывают различные болезни растений.

Геном вируса представлен только одним типом нуклеиновой кислоты (ДНК или РНК); количество цепей (1 или 2) и их структура у разных вирусов существенно отличаются. Нуклеиновые кислоты формируют вирусный геном, обеспечивая наследственность и изменчивость вирусов.

ДНК – макромолекула, обеспечивающая хранение, передачу из поколения в поколение и реализацию генетической программы развития и функционирования живых организмов.

РНК – одна из трёх основных макромолекул, которые содержатся в клетках всех живых организмов и играют важную роль в кодировании, прочтении, регуляции и экспрессии генов.

Капсид – защитная белковая оболочка вируса.

Липидная оболочка – дополнительная оболочка, покрывающая капсид многих вирусов.

Прионы – особый класс инфекционных патогенов, не содержащих нуклеиновых кислот. Прионы представляют собой белки с аномальной третичной структурой.

Мутация – наследственные изменения свойств вирусов, возникающие путем изменения последовательности нуклеотидов в определенной области генома вируса.

Штамм – чистая культура микроорганизмов одного вида, выделенная из какого-либо источника (организма заболевшего животного, человека или из окружающей природы) и обладающая особыми физиолого-биохимическими свойствами.

Иммунитет – способность организма поддерживать свою биологическую индивидуальность путём распознавания и удаления чужеродных веществ и клеток. Применяемые противовирусные вакцины создают и поддерживают прочный приобретенный активный иммунитет.

Антиген – вещество, которое организм рассматривает как чужеродное и даёт на него иммунный ответ, имеющий целью удалить это вещество. Для приготовления вирусных антигенов часто используются мозг и другие ткани зараженных.

Плазма крови – это жидкая составляющая крови, полученная путем сепарации из нее форменных элементов. Состоит из растворенных в воде белков (глобулинов, альбуминов, фибриногена), питательных веществ (глюкоза, липиды), гормонов, витаминов, неорганических веществ.

Классификация вирусов по Балтимору основана на различиях генетических систем вирусов в отношении используемого способа синтеза смысловой мРНК. Предложена американским учёным Дэвидом Балтимором в 1971 году.

ICTV – международный комитет по таксономии вирусов (англ. International Committee on Taxonomy of Viruses), разработавший универсальную систему таксономии для описания всех существующих вирусов.

Карантин – комплекс ограничительных и режимных противоэпидемических мероприятий, направленных на ограничение контактов инфицированного или подозреваемого в инфицированности лица, животного, груза, товара, транспортного средства, населённого пункта, территории, районов, областей и так далее. В некоторых случаях карантин подразумевает полную изоляцию эпидемического очага с вооружённой охраной по периметру.

Бешенство (гидрофобия) – заболевание вирусной природы, возникающее после укуса зараженного животного, характеризующееся тяжелым поражением нервной системы и заканчивающееся, как правило, смертельным исходом. Вирус бешенства (*Neoroguces rabid*) относится к группе миксовирусов рода *Lyssavirus* семейства *Rhabdoviridae*. Обнаруживается в слюне, а также в слезах и моче.

Молекулярная филогенетика – способ установления родственных связей между живыми организмами на основании изучения структуры полимерных макромолекул – ДНК, РНК и белков.

Гипотеза коэволюции предполагает, что вирусы возникли из сложных комплексов белков и нуклеиновых кислот в то же время, что и первые на Земле живые клетки, и зависят от клеточной жизни вот уже миллиарды лет. Помимо вирусов существуют и другие неклеточные формы жизни. Например, вириды – это молекулы РНК, которые не рассматриваются как вирусы, потому что у них нет белковой оболочки.

Рабдовирусы (*Rhabdoviridae*) – семейство вирусов, содержащих одноцепочечную линейную РНК. Вызывают инфекционные заболевания у позвоночных, беспозвоночных и растений.

Lyssavirus – нейротропный вирус, возбудитель бешенства у человека и животных, а также род РНК-содержащих вирусов семейства *Rhabdoviridae*, порядка *Mononegavirales*. Млекопитающие, включая человека, могут служить естественными хозяевами.

Апоптоз – регулируемый процесс программируемой клеточной гибели, в результате которого клетка распадается на отдельные тельца, ограниченные плазматической мембраной.

Лизис – растворение клеток и их систем, в том числе микроорганизмов, под влиянием различных агентов, например, ферментов, бактериолизин, бактериофагов, антибиотиков. В медицинской практике может обозначать период постепенного и медленного падения температуры при инфекционных заболеваниях.

Денатурация – разрушение характерной для данного белка четвертичной, третичной и вторичной структуры, в результате чего в денатурированном состоянии полипептидные цепи белков образуют случайные и беспорядочные клубки и петли.

ГОРБОВСКИЙ

Начало работы над романом – 1 мая 2015 года

«И все времена – одно время, и все умершие не жили до тех пор, пока мы не дали им жизнь, вспомнив о них, и глаза их из сумрака зывают к нам».

Роберт Пенн Уоррен, «Вся королевская рать»

Глава 1. Протест

«Одни считают, что просить бесполезно, а другие рассчитывают в ближайшее время взять без спроса».

Бр. Стругацкие, «Трудно быть богом»

– Абсурд! Я не позволю.

Стол громыхнул под ударом внушительного кулака. Подпрыгнув, звякнули высокие стаканы с выдохшейся минералкой. Люди поспешили отвести глаза – мутные белки забегали по потным лицам, как солнечные зайчики. Повысивший голос мужчина шумно поднялся и навис над столом, как утес над берегом моря. Во всей его фигуре проступали мощь и негодование.

– Лев Семенович, – аккуратно начал директор, но продолжения не последовало.

Директор был недавно в своей должности, к тому же на десять лет моложе Льва Семеновича. Ему не хватало храбрости идти косою на камень. Особенно в такие моменты, когда кто-нибудь вдруг вскакивал и выражал яростное несогласие. Особенно если это делал такой человек, как Горбовский.

Иногда директор боялся, как бы Лев Семенович его не пришиб. Это был самый непредсказуемый, самый вспыльчивый человек в коллективе, и перечить ему, когда он зол, считалось делом чреватым. Имели место прецеденты, когда впоследствии подвергалась разрушению посуда, мебель, а однажды и кость.

– Я категорически против, – произнес мужчина чуть спокойнее. – Вы это понимали изначально. Вы все.

– Но, позвольте, – вкрадчиво начал заместитель, для уверенности схватив со стола ручку, но тоже сдуся и умолк, встретившись глазами с разгневанным коллегой.

– Категорически. Против, – повторил Горбовский сквозь стиснутые зубы и свирепым взором обвел присутствующих, разыскивая тех, кто рискнет с ним поспорить.

Директор вспомнил, что он здесь главный, и попытался перехватить инициативу.

– Присядьте, пожалуйста, – мягко попросил он. – Давайте, наконец, уважать друг друга.

– Идиот, который это придумал, уважения не заслуживает, – грубо отрезал Лев Семенович, сделав отрицательный жест рукой.

Одна молодая женщина, округлив глаза, прикрыла рот расслабленной ладонью, как будто увидела покойника; еще одна принялась что-то строчить в блокноте, нервно поправляя очки на носу с горбинкой. Пауза затянулась. Преподаватели и научные сотрудники растерянно переглядывались. Горбовский Горбовским, но ведь есть такое понятие как субординация. Многие перепугались, что выйдет драка. Но все обошлось.

– Лев Семенович, не забываетесь, – без тени обиды напомнил директор, но щеки у него алели. – Если Вы не согласны, это можно обсудить спокойно, ведь...

– Обсуждать этот бред?! – взорвался мужчина. – Ни в какие рамки не вмещается. Как Вы можете предлагать такое всерьез? Вы просто безмозглый...

Присутствующие на совещании в той или иной мере знали, что собой представляет Горбовский, и вспыльчивость этого человека не являлась для них чем-то непривычным. Однако сейчас никто не понимал, чем она вызвана. Директору же приходилось прилагать особые усилия, чтобы не вспылить самому. Он имел свою стратегию общения с гневливыми людьми. Стратегия заключалась в том, чтобы не поддаваться эмоциям, потому что эмоций в такой беседе и без него хватает. Разум должен подавить чувства, реагировать на провокации значит усугубить конфликт.

– Почему Вам так не нравится, что студенты будут проходить летнюю практику? – деловым тоном осведомился заместитель.

Горбовский страшно глянул на него.

«Меня окружают непроходимые тупицы», – подумал он и провел рукой по лицу, чтобы снять оковы напряжения. Ему захотелось немедленно уйти отсюда и с головой погрузиться в работу, несмотря на сильную усталость. Его плечи подпустились, лицо расслабилось.

– Вы действительно не понимаете элементарных вещей или притворяетесь? – язвительно поинтересовался он.

– Присядьте и спокойно объясните нам, почему Вы против, – примиряющим тоном попросил директор.

Он как-то уловил незначительное эмоциональное изменение в настроении Горбовского и понял, что его пыл начал сходиться на убыль. Нужно было ковать железо, пока горячо. Без особого желания Горбовский сел, заранее зная, что в этом обществе долго не высидит. Он положил локти на стол, ловя на себе взволнованные взгляды коллег. «Бесполезно, – решил он про себя, – не поймут. Неужели я один здесь адекватен?»

– Так в чем же дело? – спросил директор, скрестив руки на груди для психологической защиты.

– Начну издалека. Вы отдаете себе отчет в том, где мы работаем, Борис Иванович?

– Отдаю. И мне кажется, студентам, как будущим научным сотрудникам, будет в крайней мере полезно провести лето в лаборатории, ознакомиться и освоиться, так сказать, со своим потенциальным рабочим местом.

Горбовский вытер высокий взмокший лоб тыльной стороной ладони. Он чуть не сказал вслух то, что подумал. В гневе он не стесняется в выражениях, и неважно, кто попадает под горячую руку. Когда не выходит объяснить по-хорошему, приходится по-плохому.

– Мы в лабораториях не новые сорта фасоли разводим, чтобы пускать туда всякий сброд, как на экскурсию. Это микробиология, а не ботаника. А в моем отделе люди работают с вирусами, Вы это понимаете?

– Естественно. В каждой научной отрасли рано или поздно происходит смена поколений. Так что теперь, нам, может, университет распустить?

– Это опасно, черт возьми, вот что!

Горбовский снова подскочил, пораженный непробиваемостью директора. У него задергался нерв над левой бровью. Он ненавидел это ощущение. Будто кто-то тянет за ниточку, как марионетку.

– Но ведь их можно ознакомить с правилами безопасности, заставить пройти все необходимые проверки... Ведь нужно же им опыта набираться где-то!

– Насколько вам всем здесь известно, помимо работы в лаборатории во вторую смену, в первой половине дня я преподаю у студентов основы вирусологии и смежные дисциплины. Поэтому знаю, насколько эти зародыши людей безответственны и несерьезны. Им нельзя доверить улицу подметать, а Вы говорите о практике в лаборатории! Вы в своем уме?

– Все мы когда-то были просто студентами. Без риска ничего не делается, – попытался урезонить директор, но под таким напором ярости трудно отстаивать свое мнение.

– Представьте себе, что может случиться, если бросить догорающую спичку на складе пиротехники. Она может потухнуть в полете, а может едва тлеющей головкой зажечь фитиль, случайно оказавшийся рядом. Причем вероятность второго исхода слишком велика, чтобы рисковать. Уже сама вероятность, даже мельчайшая – неоправданный риск, ведь на воздух взлетит ВСЕ! Это опасная затея, – чем больше Горбовский говорил, тем больше успокаивался, – и цель не оправдывает средства, Борис Иванович. Они не обучены, не готовы к этому. Рано им еще в НИИ, они там все разнесут к чертям собачьим.

Под конец своей речи Горбовский почти поверил в то, что ему удастся переубедить директора. Тем более, Борис Иванович внимал с предельно понимающим лицом. Затея действительно казалась глупой, и правда была на стороне возмутившегося.

«Если бы только здесь был Пшежень, он бы меня поддержал. У него, по крайней мере, голова работает лучше, чем у многих молодых», – уныло думал Горбовский.

Но Пшежень не мог сегодня прийти на совещание, потому что доделывал ежемесячный отчет по лабораторному оборудованию, и как заведующий секцией послал вместо себя старшего научного сотрудника. Напару с Горбовским ученый-поляк нес ответственность за все происходящее в секции вирусологии. Вместе они входили в костяк самых уважаемых и опытных ученых НИИ.

– Я услышал Вас, Лев Семенович, но и Вы меня послушайте.

Директор решил во что бы то ни стало гнуть свою линию. Ему невыгодно прилюдно терять авторитет, прогибаясь под чье-то несогласие, пусть даже несогласие Горбовского. Несмотря на его заслуги, иногда он бывал просто вредным, невыносимым человеком, который упирается без причины. Например, сейчас.

– Институт берет студентов на обучение не для того, чтобы они потом, как Вы выражаетесь, дворы подметали, и даже не для того, чтобы они шли работать в больницу на младшие должности. Пусть не все, но часть из них станет учеными. Как Пшежень или Логовенко, как ваши Гордеев с Гаевым... Иными словами, разного уровня. Вы поймите, не всем дано быть Горбовскими. Но их жизнь не должна быть обречена из-за этого. Вспомните себя в их годы. Во многом ли Вы отдавали себе отчет? Молодость – дурное время, когда не думаешь о будущем, а живешь только настоящим. Поэтому мы, старшее поколение, должны направлять студентов, помогать им. Все это окупится в ближайшие пять лет, вот увидите.

Никто не заметил, как у Горбовского дрогнул безмянный палец правой руки; лицо же его, худое, бледное, осталось непроницаемым. Директор меланхолично продолжал, пользуясь тем, что его не прервали:

– Уверен, не все студенты так уж безнадежны, чтобы не иметь шанса работать в лаборатории бок о бок с таким специалистом, как Вы. Вы их недооцениваете, Лев Семенович. Им нужно дать случай проявить себя, поделиться с ними опытом, предоставить полигон для самореализации и практического применения приобретенных знаний. И наш долг направить их. Иначе какой смысл их обучать?

– Полигон? Верное слово. Если кто-то из них доберется до биологических образцов, полигоном станет весь город! Вы представляете себе масштаб потенциальной катастрофы и ответственность, которую мы несем за это? А в частности – Вы!

– Строгие правила, дисциплина и соблюдение инструкций – вот Вам залог того, что подобного не случится. Зачем же сразу представлять самое худшее? Это уже паранойя какая-то, Лев Семенович, это непростительный пессимизм, который я как директор не поддерживаю в нашем коллективе. Все начинается с малого, опыт приходит со временем...

Горбовскому хотелось рычать от отчаяния. Его не понимали. Никто не хотел осознавать реальную опасность этой прихоти.

– Ваша тупость непробиваема, – холодно заметил Лев Семенович, и лицо директора оплыло, как свечка в огне. – Вы не имеете права ставить под угрозу безопасность объекта столь легкомысленным образом. Ваша халатность может обернуться трагедией, а Вы затыкаете уши и закрываете глаза, потому что слишком толстолобы и невосприимчивы к логике. Вы ни капли не смыслите в вирусологии, и я не допущу, чтобы из-за такого кретина кто-то пострадал.

С несокрушимым чувством собственной правоты Горбовский покинул зал совещаний. Никто не сказал ему ни слова, лишь несколько человек осмелились проводить его настороженными взглядами, вжимая голову в плечи, как будто он мог остановиться и ударить их напоследок. Директор озабоченно вздохнул и повертел ручку перед носом.

– Дело нужно урегулировать путем компромисса, – сказала пожилая преподавательница, когда все оправались от неловкости.

– Что Вы предлагаете? – оживился Борис Иванович с выражением крайней заинтересованности.

Он стремился сохранить лицо в сложившейся ситуации и очень надеялся, что не упадет в глазах подчиненных после того, как был оскорблен не менее пяти раз. Все-таки надо делать скидку на то, с кем пришлось иметь дело. В должности директора Борис Иванович значился чуть более полугода, и даже практически не зная Горбовского, был уверен, что тот не ставит своей целью обидеть или спровоцировать человека. Есть такие люди, которые в ярости себя не контролируют. Это темперамент, данный природой, его не перестроить, не перекрыть. С ним можно только примириться.

– Все просто, – сказала пожилая дама. – Нужно создать комиссию по отбору студентов для практики. Пусть все проходят жесткую проверку. Слабые отсеются, а самые смысленные, самостоятельные и психически устойчивые получают доступ к лаборатории.

– А чтобы уважить мнение Льва Семеновича, которое, несомненно, нельзя оставить без внимания, надо сделать его председателем комиссии, – подхватил еще один преподаватель, любящий своих студентов и заинтересованный в их научном росте, но и уважающий Горбовского как ученого. – Пусть наш протестующий сам решает, кого допустить, а кого гнать в шею. Вы же знаете его, это сейчас он рвет и мечет. Я считаю, мы обязаны прислушаться к нему и предоставить ему право лично выбирать себе потенциальных помощников.

– А что, хороший выход, – оценил Борис Иванович, прокашлялся и ослабил галстук. – И нашим, и вашим. Поступить по-своему, но сделать Горбовского ответственным участником этого дела. Мне это нравится. Это должно получиться. Так. Теперь давайте обсудим детали.

Все вздохнули с облегчением.

Без Горбовского высказываться стало легче – никто не сверлил глазами, не прочищал угрожающе горло и не давил на психику одним своим присутствием. Окончательно было решено создать комиссию, тем самым и посчитавшись с мнением вирусолога, и от своего не отступая. Нельзя было игнорировать протест авторитетного ученого, последствия могли быть пугающими.

Глава 2. Три-Г

«Жизнь дает человеку три радости. Друга, любовь, работу. Каждая из этих радостей уже стоит многого. Но как редко они собираются вместе!»

Бр. Стругацкие, «Стажеры»

Солнце еще только показало свои первые холодные лучи, окрасив горизонт в бледную мягкую сирень, а трое мужчин уже забрасывали удочки на глиняном берегу, поросшем редкой тусклой травой, больше похожей на зеленую проволочку.

Эту компанию любя называли «Три-Г»: так сложилось, что трое коллег по работе, у каждого из которых фамилия начиналась на соответствующую букву, являлись давними товарищами.

Гордеев разматывал спутанную леску, сидя с широко расставленными ногами на крошечной деревянной табуретке, взятой из дому, и с удовольствием напевал себе под нос что-то знакомое, но неразборчивое. Он любил петь, и петь в голос, но сейчас приходилось сдерживаться из нежелания спугнуть утренний клев. К тому же не хотелось нарушать таинственную тишину этого прохладного утра, когда им наконец-то удалось вместе выбраться на рыбалку.

Гаев проверял червей на наличие признаков жизни, перебирая их скользкие бледно-розовые тельца в комочках сырой земли, а также проводил ревизию остальной приманки: кукурузы, хлеба, соленого теста и опарышей. Время от времени он поглядывал на спокойную воду, в которой отражалось серебристо-лиловое небо, находил глазами пуговку поплавок и возвращался к прежнему занятию. Рыба не спешила быть пойманной, Гаев тоже решил не торопиться.

– Гордей, – обратился он вдруг, выпрямив спину и сморщившись от того, как хрустнули позвонки, – а мормышки ты взял?

– Взял, как же, – откликнулся Гордеев. – Вон там, в свертке посмотри. Да нет, в брезентовом.

– Наше-ел, – довольно протянул Гаев. – И блесна тут как тут.

Он стал копать в брезенте, извлекая рыболовные снасти и бережно раскладывая их на видном месте. Гаев любил, чтобы все было под рукой и в полном порядке. Уже час не клевало. Речка словно издевалась над ними. Товарищи переглядывались, понимая, что терпение – главное для рыбака, и торопиться некуда. Решили перекусить, но тут у Гаева клюнула и сорвалась, блеснув серебристым хвостом.

– Гай, ну что ж ты! – прошипел Гордеев, кинувшись к своей удочке на всякий случай. Подумал: а вдруг у него сейчас клюнет, раз у коллеги только что ушла?

– Первый блин комом, – с улыбкой заявил Гаев, подтянул леску и, насадив на крючок ароматизированную кукурузу, лихо закинул поплавок метрах в семи от берега. Тот весело булькнул в тишине и закачался на воде, как крошечный буюк. – Зато теперь мы хотя бы уверены, что рыба здесь водится. А то я уж думал...

Позабыв о перекусе, рыбаки с азартом и надеждой не сводили глаз со своих поплавков. Рыба «проснулась», раздражила воображение, теперь только и успевай вытаскивать, думали они.

– Донку поставлю, пожалуй, – поднялся Горбовский спустя десять минут тишины, нарушаемой только вкрадчивым шумом листвы на деревьях и хлопками ладоней (беспощадно грызли злые утренние комары).

– Дело хорошее, Лев Семенович, – одобрил Гордеев, прихлопнув очередного кровососа на шею, и принялся растирать кровь между пальцев с задумчивым выражением небритого лица.

Горбовский выпрямился, хрустнул засиженными суставами, размялся и покрутил головой. На природе, подальше от города, дышалось гораздо свободнее, чем в лаборатории. Он вдохнул полной грудью этот влажный и вкусный воздух и задумался, глядя туда, где восходило солнце. Ему редко удавалось вырваться из круговорота институт-лаборатория-дом куда-нибудь еще, поэтому сейчас внутри него царило странное спокойствие, а в чертах лица угадывалось умиротворение, которое так редко посещало его натуру. Мужчина думал о своем, редко и напряженно моргая большими синими глазами и покусывая тонкие бесцветные губы.

Гордеев и Гаев уже много лет называли друг друга кратко, даже как-то по-ребячески – Гордей и Гай, а вот Горбовскому не решались видоизменять фамилию. И на то были свои причины.

Во-первых, Лев Семенович был старше на семь лет, хоть и являлся им другом со времен учебы. Он поступил на первый курс, когда ему было двадцать пять, а Славе Гаеву и Саше Гордееву – по восемнадцать. Горбовский получал второе высшее образование, а они только что выпустились из школы. С тех пор миновало семнадцать лет. Гордей и Гай обзавелись семьями, а вот Горбовский...

Да, у него судьба сложилась иначе.

Во-вторых, Лев Семенович был старшим научным сотрудником, правой рукой Пшежня, его уважали и ценили, несмотря на множество вещей, из-за которых обычно увольняют. Рабочая субординация, отточенная за столько лет, сказывалась и в обыденной жизни.

В-третьих, Горбовский никогда не был человеком, к которому уместно обращаться в той или иной мере шутливо, пусть даже давним друзьям. Его характер определял отношение к нему, и два близких товарища звали его чаще по имени-отчеству, реже – по фамилии. Это всех устраивало.

Лев Семенович очнулся от думы и принялся заниматься снастью. В этот момент у Гордеева клюнуло – он с азартом вытащил красноперку с ладонь длиной и теперь удовлетворенно улыбался, отправляя добычу в водак.

– Ну, вот и пошел клев-то, – сказал он, поддевая свежего червя на крючок.

– Где тут поглубже? – спросил Горбовский, приготовив донку и подойдя к самой кромке воды.

Ему подсказали, где глубже, и он, по-молодецки замахнувшись, лихо забросил грузик почти на середину речки – только леска свистнула. Затем установил донку на берегу, соорудив держатель из раздвоенной коряги, и ощутил, что вот сейчас ему действительно спокойно и на уме, и в сердце. Он глянул на наручные часы и предложил все же позавтракать.

– Сейчас отвлечемся – и заклюет, – уверенно сказал Гордеев, распаковывая галеты.

– Значит, надо немедленно отвлечься, – резюмировал Гаев.

Горбовский извлекал из рюкзака покупные закуски, в то время как два его товарища – преимущественно домашнюю снедь, приготовленную руками сварливых, но все-таки любимых женушек. То были бутерброды в ассортименте, гренки из черного хлеба с чесноком, вареные яйца, зелень, румяная жареная картошка. Все угощали друг друга, выкладывая еду на импровизированный столик, крытый грубой покоцанной клеенкой возрастом никак не младше их дружбы.

– Лев Семенович, как ты думаешь, Пшежень не обидится, что мы его не позвали?

– Пожалуй, ему не до рыбалки сейчас.

Три товарища удобно разлеглись на траве, с удовольствием вытянув затекшие от долгого сидения ноги.

– А что, снова ревматизм?

– Если бы, – сказал Горбовский. – Начальство.

– Лев Семенович, пока суд да дело, расскажи-ка нам, как совещание прошло.

– Нечего рассказывать, – нахмурился вирусолог, испытав, однако, странное желание поделиться с друзьями постигшей его несправедливостью, – идиоты, вот и вся беда.

Сейчас он был не так зол, как на совещании – природа успокаивающе действовала на него и приглушала возмущение. Не хотелось даже начинать злиться, когда вокруг такая благодать.

– И что там за комиссия, я слышал?.. – не отставал прилипчивый Гордей.

Горбовскому пришлось рассказать, как он был категорически против, но его не послушали и назначили (без его ведома!) председателем комиссии по отбору студентов на практику в лаборатории НИИ, о чем он сам узнал позже, ибо в знак протеста покинул совещание досрочно.

– И сколько раз ты успел назвать Бориса Иваныча добрым словом? – усмехнулся Гаев.

– Это неважно. К тому же я такое не считаю, – ответил Горбовский раздраженно. – Дело в том, что они действительно не понимают и не хотят понять, насколько это опасно – неопытные студенты в лаборатории вирусологии. Ведь я у них преподаю, и... *поверьте*, – заверил он с каким-то затаенным злорадством, – знаю как облупленных. Даже самые лучшие из них недостойны сделать шаг в НИИ.

– Экий ты строгий, Лев Семенович. А что говорит наш уважаемый Юрек Андреевич?

– А что может он сказать? Слушайся, говорит, начальство. Не гневайся, говорит. Остынь.

– И что ты, слушаешься будто?

– Послушаюсь. Но отыграюсь я на них со всем зверством, на какое способен. Ни один не пройдет эту бессмысленную проверку, для галочки затеянную.

– Думаешь, студенты рискнут идти на комиссию, узнав, что ей заправляешь ты? Может, они и глупы, но не настолько же.

– Зато наглости у них хватало всегда, – заметил Горбовский. – Беспредел, в котором мне предстоит поучаствовать, обернется в мою пользу. Эта комиссия – пустая трата времени, я все равно всех завалю, а директору даже это непонятно. Набитый дурак не признает, что я прав, пока весь город не сдохнет от эпидемии, виной которой станет какой-нибудь Петя Иванов с дырявыми рука...

– Клюет! – подпрыгнул Гаев и ринулся к своей удочке, опасно споткнувшись, но сохранив равновесие.

Пока он боролся с рыбиной, не желающей выбираться на отмель, Гордеев мечтательно закинул голову и произнес, глядя в небо:

– А с другой стороны, Лев Семенович, было бы неплохо взять в помощницы пару молоденьких студенточек...

«Началось», – подумал Горбовский, но промолчал, угрюмо пережевывая гренки и с прищуром наблюдая за своим поплавком. Гаев вытащил карася – с крупной матовой чешуей, почти в локоть длиной – похвастался с глупой улыбкой и поместил рыбку в водак.

– Слышишь, Гай? Я говорю, было бы неплохо разбавить наш сугубо мужской рабочий коллектив симпатичными практикантками. Как ты на это смотришь?

– Положительно, мой друг! Что может быть лучше молодых девушек в личном подчинении?

– И не говори. Я бы их так напрактиковал, на всю жизнь бы запомнили, – сладко улыбался Гордеев.

– Женатые мужики, – выговорил Горбовский с чувством. – Никак не нагуляетесь.

– Ой, не начинай, Лев Семенович! Я в самом расцвете. Помечтать-то можно мне или нет?

– Что с того, что я женат? – подхватил Гордеев. – Каша кашей, а мяса хочется всегда.

Горбовский осуждающе покачал головой. Ему было противно, но уже привычно слушать подобные рассуждения. Двое товарищей с самой молодости были такими. Смутное воспоминание тронуло его память и бесследно утонуло в речке. Он не стал вспоминать всерьез. Не стал портить себе настроение. Слишком редко удавалось вот так забыться.

– Слушай, а может, все-таки пропустишь хотя бы пару девчонок к нам? Ну, чтоб не так уныло было. Пусть сидят в комнате отдыха и выполняют какие-нибудь незначительные поручения для отвода глаз, не ставя под угрозу население всего мира. И глазу приятно, и мелкую работу всегда есть, кому сделать. Веселее будет. М? Есть там, в институте, симпатичные девочки? Уверен, что есть.

– Для вас двоих любая юбка симпатична, – холодно заметил Горбовский.

– Ты сам мужчина хоть куда, не прибедняйся. Если бы ты не был таким суровым со студентками, многие из них бегали бы за тобой. Где твой мужской инстинкт? Неужели никого нет на примете?

– Прекрати, – чуть слышно предупредил Гаев, чувствуя, что товарища понесло в опасные воды. И оба прекрасно знали, что есть темы, которых лучше не касаться в присутствии Горбовского. Гордей закусил губу и замолк.

– Мне это безразлично, – ответил Горбовский. – А вы бы лучше думали о безопасности объекта, чем о собственном увеселении. Надоели жены? Сходите в стриптиз-бар, снимите проститутку, в конце концов. Только не путайте работу с развлечением. У нас слишком ответственная должность, чтобы успевать ухлестывать за слабым полом в рабочее время. К тому же женщине в лаборатории делать нечего, тем более – в вирусологической. Сплетни, ненужные эмоции... – Горбовский скривился. – Нет. Женщин к этому подпускать нельзя, беда будет. Тем более – молодых. Дисциплина и субординация полетят к чертям. Так что закатайте губу. Наш мужской коллектив таким и останется, это я вам обещаю.

Переглянувшись, Гордеев и Гаев не стали спорить. Оба знали, что переубеждать Горбовского тщетно. Продолжать эту тему дальше тоже было опасно. Все-таки они понимали, почему Лев так рассуждает. Лишний раз напоминать о том, как сложилась его судьба, совсем не подружески. Нужно было срочно перевести тему, но об этом заботиться не пришлось – у Горбовского клюнуло.

Он с азартом поднялся, отбросив надкусанный огурец, и побежал к удочке. По-видимому, на крючок попался кто-то крупный, если даже такой мужчина, как Горбовский, прилагал усилия, подтягивая рыбину к берегу. В один миг ему даже показалось, что леска вот-вот лопнет. Гордеев с Гаевым подбежали к нему и принялись помогать (в основном бесполезными советами), обступив с обеих сторон.

Это оказалась щука – длиннющая, крепкая, зубастая и красивая, почти в руку от плеча до кисти. Она долго изворачивалась, билась хвостом, даже страшно было, что пальцы откусит, но с ней все же справились. Не рискнув помещать в водак (щука могла просто-напросто порвать сеть и уплыть, освободив собратьев), ее поместили в большой таз, припасенный как раз для таких случаев, и залили туда речной воды.

– Пор-родистая, мерзавка! – оценил Гордеев, наклонившись и опасно поглаживая щуку по спине. Рыбина без усталости билась, разбрызгивая вокруг себя фонтаны воды. – И с характером. Надо бы ее накрыть, а то ведь, того и гляди, улизнет.

– Сеть накинй, – посоветовал Горбовский. – И таз подальше от берега.

Сам же он насаживал на крючок червя, и вид у него при этом был, как у человека, достигшего вершины Эвереста. Гордеев с Гаевым принялись перетаскивать таз к машине. Когда они возвратились, Горбовский спросил:

– Кто из вас заберет ее?

– Чужих трофеев не беру.

– Я тоже, Лев. Такому улову любой позавидует, но... Ты поймал – ты и забирай.

– Во-первых, вы мне помогли ее вытащить. А во-вторых, на что она мне, вы подумали? Готовить я не умею, живу один, – Горбовский прервался, как будто вспомнил о чем-то, о чем не хотел бы вспоминать.

– Женщину тебе надо, – не удержался Гордеев. Слишком жалко ему было одинокого холостяка, над которым жизнь вволю поиздевалась.

Пожалуй, все трое в тот миг ощутили болезненный укол в груди. Горбовский прочистил горло – оно запершило без видимой причины. Гордеев успел тысячу раз пожалеть, что не удержал языка за зубами. Так боялся затронуть больную тему, и вот – затронул. И теперь чувствует все то же самое, что и его товарищ, и ему больно, и ему тоскливо, несмотря на это прекрасное утро, несмотря на хорошую компанию и несмотря на неугомонную шуку.

Горбовский, однако, отреагировал совсем не так, как ожидалось. Бесцветным голосом он заявил, что и без женщины обойдется.

В тот момент Гордеев и Гаев как никогда прозрачно увидели истину, похороненную семнадцать лет тому назад под тоннами грубости, колкости и замкнутости: Горбовский уверен, что не заслуживает быть счастливым. Уже не в этой жизни. И эту трещину в его панцире способны заметить лишь самые близкие.

Товарищи переглянулись и отвели взгляд – им было стыдно смотреть друг другу в глаза. Они так остро ощущали вину и обиду, но ничего не могли сделать.

Ничего.

Глава 3. Гром среди ясного неба

«Прогресс может оказаться совершенно безразличным к понятиям доброты и честности».

Бр. Стругацкие, «Улитка на склоне»

– Я тебя ненавижу, – прошипела Марина, утирая постыдные слезы. Они как будто специально убежали по щекам, и даже шея уже стала мокрой. – Я уйду от тебя! — захотелось чем-нибудь швырнуть в обидчика, но под рукой ничего не оказалось.

– Вот и проваливай! – огрызнулся Леонид развязно, грубо махнув рукой. – Давай, вещички собирай – и вперед! Вся в мать! Уходи, как она! Без тебя только лучше будет.

Марина закрыла лицо руками и сгорбилась; голова вжалась в плечи, а сами плечи тряслись, как в лихорадке. Отец, выгоняя ее, закрывал ей выход, но, конечно, он этого сейчас не замечал. А она боялась подойти к нему ближе, чем на метр, пока он в таком состоянии. Поэтому стояла на месте, пытаясь прочистить сжатое спазмом горло.

– Давай! Пошла отсюда! Раз ты такая смелая и самостоятельная! – отец махнул рукой себе за спину и тут сообразил, что загораживает дочери путь. Он отошел к столу, выжидающе скрестив руки на груди и с вызовом глядя на Марину. – Не моя ты дочь. Нагуляла тебя она. Что стоишь? Путь свободен.

Новый приступ боли в сердце заставил Марину кинуться к выходу. Девушка успела схватить только подготовленную с вечера сумку. Она даже не помнила, что в ней. В тот момент ей было все равно. Единственное, на что ей было не все равно – ее отношения с отцом, которые, мягко говоря, оставляли желать лучшего.

Почему все сложилось именно так? Почему мать бросила их? Почему отец так жесток со своей единственной дочерью? Вся тяжесть и абсурдность их вражды заключалась в том, что на самом деле отец и дочь были друг у друга одни (если не считать тети, жившей за тысячи километров отсюда). И чем ярче Марина это понимала, тем более угнетало отношение и поведение отца.

Леонид всегда был провокатором скандала. На него иногда как будто находила какая-то плотная завеса, превращая в жестокого и язвительного человека, который напрочь забывал, кем он является Марине. Апофеозом безрассудства являлось его стремление избавиться от дочери. Много раз он выгонял ее из дому, мотивируя это тем, что она ему никто. Это даже в большей степени ранило Марину, чем все остальное.

Несколько раз доходило до рукоприкладства. Оскорбления были обычным делом. Но ко всему Марина была готова привыкнуть, кроме тех самых слов, самых обидных слов, которые может сказать отец своей дочери, да и вообще любой родитель своему ребенку. Эти слова неизменно оставляли на сердце глубочайшие борозды, как от ржавого тупого лезвия, и еще долго отдавали ноющей болью по всему телу, превращаясь из морального повреждения в реальное увечье.

На том месте, где каждый раз по-новому открывалась рана, никак не могла возникнуть мозоль, которая защитила бы от излишней чувствительности. Марина не могла стать непроницаемой и безразличной к единственному человеку, которого любила. Девушка не понимала, зачем отец раз за разом произносит эти слова, если видит, насколько ей тяжело их слышать. Значит, он действительно хочет сделать ей больно. Значит, он на самом деле не любит ее. И все, что говорит в ярости – правда, которую мужчина скрывает за будничной маской нейтральности.

К этому выводу Марина приходила каждый раз, как убегала из квартиры после ссоры. С этого момента ее не волновало ни отсутствие крыши над головой, ни отсутствие денег. Как ей быть, куда ей теперь податься? Плевать. Все, что имело значение, когда отец выгонял Марину, – его истинное отношение к ней, остававшееся загадкой.

Вырвавшись из мрачного глухого подъезда во внутренний дворик, Марина замерла, вытерла слезы тыльной стороной ладоней и глубоко вдохнула тонкий слоистый воздух весны. Девушка подумала, что этот воздух может очистить от грязи, которой отец успел полить ее в это утро. У нее было ощущение, будто она попала на свободу из долгого заточения под землей.

Выбравшись на аллею, Марина двинулась к центру города.

На улице витали остро-сладкие и легкие, как французские духи, ароматы белой сирени, а также убаюкивающие запахи поздней черемухи. Было то время весны, когда уже отцветали плодовые деревья, и сильный ветер порывами срывал с них последние белые лепестки, которые еще неделю назад наполняли улицу своей мягкой сладостью. Теперь они ютились вдоль дорог и тротуаров длинными белыми лужами, как иссушенные ветрами сугробы грязного снега поздней зимой.

Марина взглянула на наручные часы и ускорила шаг. Слезы на глазах высохли от ласкового ветерка, но рана внутри по-прежнему кровоточила, как пробитая артерия, через которую сердце упрямо продолжает качать кровь. И пока оно будет биться, артерия будет все так же выплескивать сначала красное, потом розовое, позже – белесое... Обида будет проходить, слабеть, забываться. Боль истончится и притупится. Марина прекрасно знала, что неизбежно простит отца, и очень ждала этого момента. Уже сейчас ей хотелось перемирия.

На лужайках вдоль аллеи дети радовались жизни так, как способны это делать только дети. Марина прошла мимо девочки, которая сорвала созревший одуванчик и принялась с энтузиазмом сдувать летучие семена на своего отца. Мужчина засмеялся и поднял глаза, его взгляд встретился со взглядом Марины, и они улыбнулись друг другу теми искренними улыбками, которыми одаряют друг друга только незнакомые люди.

Институт. Величественное желто-белое здание напоминало музей. Его становилось видно издалека, еще с середины аллеи – крыша возвышалась над черно-бирюзовыми верхушками елей и вступала в игру с ясной лазурью неба. Слева – здание чуть менее колоссальное. Несмотря на характерный для времен советского союза фасад, современная облицовка цвета слоновой кости придавала ему свежести и солидности.

Научно-исследовательский институт микробиологии и генной инженерии имени Златогорова, а если говорить конкретнее, огромный комплекс советских лабораторий, разбитый на множество секций. Даже преподаватели не имели понятия (или поддерживали легенду, будто не знают), что строилось раньше и какое здание считать главным: это университет при НИИ или НИИ при университете? Говорили и так, и сяк. Собственно, это не имело особого значения: оба здания могли функционировать независимо друг от друга. Студенты учатся, преподаватели преподают, ученые – изучают. И никто никому не мешает.

У широких плоских ступеней, ведущих внутрь, нервно курил Матвей Бессонов – редчайший лентяй и прогульщик, но парень большого ума и незаурядных способностей, как обычно и бывает. Когда-то они с Мариной были парой, самой красивой парой института, но сейчас даже не здороваются.

Спицына вошла в здание, глядя перед собой, Матвей проводил ее взглядом и выбросил окурок, наспех сделав последнюю жадную затяжку. Каждое утро он стоял здесь и курил, ожидая, когда Марина придет на занятия. Бессонов замечал ее издалека, потому что хорошо знал фигуру и походку, следил за ней исподтишка, ждал, пока она молча пройдет мимо него, быстро докуривал и шел следом. Они учились на одном потоке, к счастью для него и несчастью для нее.

Марина вошла в аудиторию и села за одну из первых парт, ни с кем не поздоровавшись. Несколько человек попытались сказать ей «привет», но она их проигнорировала, как поступала всегда. Через минуту вошел Матвей и сел в самом конце. Его даже не было видно.

Марина была из тех, кому легче идти по жизни в одиночку, не связывая себя никакими серьезными отношениями с кем бы то ни было. Она сама решила выбрать эту стезю, потому что понимала: так будет гораздо легче пробиваться и в учебе, и на работе. Именно поэтому ее отношения с Матвеем были недолгими, и как только в них стала явственно проклеиваться привязанность, грозящая в будущем стать балластом, Марина порвала все нити, связывающие ее с молодым человеком. Было неприятно, но она быстро отвыкла. Она всегда отвыкала от людей так же быстро, как и привыкала к ним.

Особая чувствительность Марины в отношении отца и полное безразличие к тем людям, с которыми ей приходилось учиться плечом к плечу вот уже три года, казалось бы, никак не вяжутся между собой, но, тем не менее, являются реальным фактом. Эта девушка являла собой яркий пример самодостаточности, но и выражала сильное стремление иметь рядом хотя бы одного человека, с которым ее связывало бы именно кровное родство.

Семейные узы ценились Мариной на подсознательном уровне, причем гораздо сильнее, чем узы дружественной привязанности или любовных отношений. У нее должен быть хоть один родственник, и пусть он даже не выказывает особенной к ней любви – тот факт, что он ее родня, полностью удовлетворял девушку, и большего ей не требовалось.

Аудитория наполнилась до отказа задолго до появления преподавателя. Все места заняли. На улице было по-весеннему тепло, но в помещении быстро стало душно. Пришлось открывать окна. Марина не теряла времени даром, морально настраиваясь к предстоящему занятию. А оно обещало быть тяжелым во всех смыслах этого слова. Если бы она сейчас осмотрелась вокруг и пригляделась к лицам других студентов, она бы прочла в их глазах обреченность и глухой страх.

Преподавателя, который должен появиться здесь с минуты на минуту, боялись, уважали, ненавидели, презирали и не переносили абсолютно все, кто причислял себя к роду человеческому. Именно поэтому его лекции посещали даже заядлые прогульщики, например, Матвей Бессонов. Этот человек был грозой не только среди студентов. В институте он слыл самым свирепым преподавателем. О нем ходили неприятные байки, которыми пугали абитуриентов и первокурсников, причем весьма успешно. Казалось, в какой-то степени все они правдивы.

Достоверно известной информации об этом человеке было критически мало. Сколько ему лет, есть ли у него семья (или хотя бы друзья), чем он занимается помимо работы, бывает ли он когда-нибудь в хорошем настроении – никто не ведал: ни студенты, ни преподаватели. Знали, что он жесток; знали, что в первую смену преподает, а во вторую – работает в лаборатории; знали, что пережить его пару и не подвергнуться риску быть униженным – редкость и везение. Этого хватало.

Но наблюдательная Марина знала об этом человеке кое-что еще: он давал такие бесценные знания, которых больше не способен дать ни один преподаватель в этом институте. Поэтому, несмотря на страх и всяческую неприязнь, она шла сюда приобретать высокую квалификацию.

Желание получить качественное образование, которое послужит билетом во многие НИИ страны, перевешивало любые опасения. Марина мечтала пробиться своим умом и заслужить право работать рядом с умнейшими людьми, которые общими силами ведут борьбу за человеческие жизни, за развитие науки, за улучшение этого мира. Ее влекло в стерильные стены лабораторий, пока что не столь явственно, но планы на будущее уже казались ей грандиозными, пусть и немного туманными.

Марина приказала себе отбросить страхи и бесполезные сейчас мысли. Она целиком и полностью готова была отдать себя учебе. В тот миг, когда накал энтузиазма норвил подбро-

сильно ее вверх от стремления чем-нибудь занять себя, дверь распахнулась, и аудитория словно бы умерла в гробовом трепете.

Он явился, как гром среди ясного неба. От резкого, стремительного шага полы белоснежного халата развевались подобно парусам на крепкой мачте. В несколько секунд он оказался у кафедры, широкими и нервными шагами преодолев нужное расстояние. Марина почувствовала тонкую примесь больничного запаха. Глядя на эту странную походку, она часто думала, что под халатом, скорее всего, скрыто тело, выточенное из чего-то твердого и негнущегося. Она решила для себя, что это камень. Если этот человек из камня, это многое объясняло.

Студентки, сидящие рядом с ней, стали чуть слышно перешептываться. Марина разобрала:

- Как всегда, не в духе.
- На кого он вечно так злится?
- Иногда как взглянет – поджилки трясутся.
- Вот-вот кого-нибудь разорвет.

Но девушки быстро смолкли, не желая привлекать к себе внимание человека, которого по-настоящему боялись. Марина посмотрела на Горбовского и ощутила полную готовность выслушивать оскорбления ближайшие полтора часа. Эту цену за знания она была готова заплатить.

Тем временем преподаватель положил руки на кафедру, нахмурил брови, чуть опустил подбородок и заговорил:

– Довожу до вашего сведения, что руководство института планирует учредить комиссию по набору студентов на летнюю практику в лаборатории нашего НИИ: секции вирусологии, молекулярной биологии и геномной инженерии.

Марину словно за горло схватили. Она прокашлялась, осмысливая услышанное и не веря в такое своевременное чудо. Выждав несколько секунд, Горбовский сухо продолжал:

– В комиссии буду принимать участие я. А также ученые, возглавляющие упомянутые мной секции. Мы проверим претендентов на профпригодность, знание правил безопасности и стрессоустойчивость. Если кто-то пройдет отсев, в чем я глубоко сомневаюсь, мы разберем этих студентов каждый в свою секцию по личному предпочтению.

Женский голос откуда-то сзади рискнул спросить:

– Почему Вы сомневаетесь, что кто-то может пройти проверку?

Горбовский отыскал глазами говорящего, прежде чем ответить. Скорее всего, девушка уже пожалела, что открыла рот.

– Потому что среди таких одноклеточных, как вы, вряд ли найдется хоть одна инфузория, способная эволюционировать. К тому же председателем комиссии буду я, и мое слово будет иметь решающее значение.

Больше никто вопросов не задавал.

– Так что если кто надумает пройти летнюю практику и получить бесценный опыт, то дайте мне знать, я внесу вас в список и буду иметь в виду, – закончил Горбовский для формальности, прекрасно понимая, что после такого заявления никто не станет записываться: ни сейчас, ни после занятия.

Никто не шелухнулся, боясь даже малейшим движением вызвать подозрение в умысле попасть на практику. Марина задумалась. В ее голове одна идея противоречила другой, а желания боролись со здравым смыслом. Ей, конечно, очень хотелось бы, однако Горбовский в комиссии – это слишком жестко.

«Но ведь попытка не пытка, верно? Попробовать стоит. Но какой смысл, если председатель – Горбовский? Кому охота опозориться, да еще, возможно, заработать себе опасного врага? Но почему сразу врага?.. Но, но, но! Миллион всяческих «но»! Как будто он только и делает, что запоминает студентов. Мы для него как муравьи для человека – крошечные, незна-

чительные, мелочные существа, все друг на друга похожие и одинаково бессмысленно живущие. Упустить такой шанс из-за страха показаться недостаточно умной – неоправданная глупость. Надо попробовать. Больше уверенности в себе, Марина. Неужели ты и правда считаешь себя недостойной? Судьба дает тебе такую возможность, а ты прячешься в угол, потому что тебе страшно? Тебя не убьют, в конце концов. Максимум – морально уничтожат. Это ничего особенного, к этому мы привыкли. Не в первый раз, не в последний».

Так, мысль за мыслью, Марина уговорила себя попробовать, но сообщать об этом Горбовскому пока что не решилась. Девушка не поднимала глаз, опасаясь, что преподаватель может заподозрить ее намерение. Она бы ничуть не удивилась, если бы узнала, что этот человек умеет читать мысли. Было много случаев убедиться, что студент для него – открытая книга. Горбовский словно все обо всех знал. Его пронизательный взгляд был колким и метким, он прошивал насквозь, как швейная игла.

– Желающих нет? Я так и думал. Тогда не будем терять времени и перейдем к повторению прошлой лекции. Если вы помните, а я на это очень надеюсь, в прошлый раз мы говорили о том, что история вирусологии довольно специфична. Самая первая вакцина для предупреждения вирусной инфекции была разработана Дженнером в 1796 году, а это, смею напомнить, примерно за сто лет до открытия самих вирусов как вида. Следом – провалы. За семь лет до открытия вирусов свою вакцину, вторую за всю историю, предлагает основатель вирусологии – Пастер. И вот, наконец, мир дождался рождения нашего соотечественника, чтобы он, так сказать, внес свою лепту, изучая мозаичную болезнь табака... Кто-нибудь порадует меня тем, что помнит его фамилию?

Марина усердно записывала лекцию, не поднимая головы, но все же примерно в середине занятия их взгляды пересеклись. Меньше секунды. Этого хватило, чтобы девушка снова начала терзаться сомнениями в успехе своей затеи. Как она может убедить этого человека, мимолетный взгляд которого приводит ее в оцепенение, в том, что она достаточно мозговитая инфузория, чтобы эволюционировать в практикантку? Задавая себе подобные вопросы, Марина понимала, что ее стремление абсурдно. Но второй голос подстрекал послушаться разума.

Пара промелькнула. Студенты быстро собирались и покидали аудиторию, минуя кафедру на максимально возможном расстоянии. Самые смелые коротко прощались с Горбовским, но он не отвечал на их робкое «до свидания» даже кивком головы, даже взглядом исподлобья. Он просто всех игнорировал, сосредоточенно заполняя журнал, спеша освободиться.

Девушка с рыжими волосами приблизилась к кафедре, как будто это была корзина с коброй. Горбовский медленно поднял голову и слегка нахмурился. Марина замедлилась. Кто-то по собственной воле пошел на контакт с Горбовским! Нонсенс! Она обязана увидеть, что будет дальше. Неужели эта девушка хочет записаться на практику? – ревниво вспыхнуло у Марины в голове. Последние студенты, не успевшие сбежать, замедлились тоже. Развязка будоражила воображение.

– Лев Семенович, – произнесла рыжая, – я хотела бы предупредить о пропусках нескольких Ваших занятий...

– В каком смысле – предупредить?

– Чтобы Вы...

– Говорите.

– ...не думали, будто я прогуливаю.

– Причина? – сухо осведомился преподаватель.

– Семейные обстоятельства, – ответила девушка и поджала губы, ожидая вердикта.

– Отсутствие на занятии есть прогул. В любом случае.

– Но, Лев Семенович, прошу. Мне нужно ухаживать за...

– Хватит, – скривился Горбовский, взмахнув рукой. – Мне плевать, что у Вас там случилось, вплоть до смерти кого-то из близких. Только Ваша личная смерть может освободить

от занятий. Я сказал: нет. Не явитесь – долг. Чем вы лучше всех остальных? Ничем. Такой же микроб.

Внезапно рыжая закрыла рот рукой и спешно выбежала из аудитории. Горбовский бровью не повел. Видимо, посчитал это удачной актерской игрой.

– А что с ней? – тихонько спросил кто-то.

– У нее мать умерла...

Марину пробрала крупная дрожь. Теперь она ускорила шаг, глядя на дверь, как на спасательный круг. Горбовский, сам того не ведая, попал прямо в точку, играючи причинив человеку страшную боль.

«Ужасный человек, отвратительный. Сухой аморальный циник. Бесчувственный урод». Марина твердила проклятия до тех пор, пока они не начали материализовываться в шепот. Тогда она вздохнула, понимая, что сегодня еще больше возненавидела этого нелюдя.

Глава 4. Японская вишня

«Если во имя идеала человеку приходится делать подлости, то цена этому идеалу – дерьмо».

Бр. Стругацкие, «Хищные вещи века»

Чувство озлобленности и отвращения не покидало Марину с того самого момента, как она стала свидетелем бесчувственности Горбовского.

На остальных занятиях в тот день она ощущала себя так, словно ее обмакнули во что-то гадостное, липкое, вонючее, и теперь она вынуждена находиться в этом мерзком состоянии, а что самое ужасное – искать в себе силы смириться с ним.

Мысли об утренней ссоре с отцом время от времени всплывали в памяти. Но отныне выглядели такими несерьезными, что об этом даже не хотелось думать. Ее отец хотя бы жив – этого достаточно. Все остальное приложится, наладится, устанется. Все можно исправить, пока человек дышит. И эти мелкие дразги, ссоры и перепалки не имеют никакого веса, пока живы мы и наши близкие.

Думать о практике Марине теперь и вовсе не хотелось. Любое воспоминание о Горбовском вызывало в ней дрожь негодования и омерзения, которая не позволяла ни на чем сосредоточиться. Она решила отложить вопрос на потом. Времени было предостаточно – хоть пятьдесят раз меняй решение.

Занятия кончились. Марина пообедала в столовой, затем несколько часов провела в библиотеке, листая толстые тома справочников по микробиологии и иммунологии от Левинсона, Зверева и Воробьева. Специально оттягивала момент возвращения домой, откуда ее в очередной раз выгнали. Нужно дать отцу время, чтобы он одумался, успокоился, осознал, что погорчился. Раз уж он выгнал ее, то она не зайдет даже в подъезд, пока он сам этого не захочет.

Марина уже придумала план, который обязан сработать.

Дорога домой была достаточно долгой, чтобы успеть поговорить по телефону. Марина позвонила тете – своей бессменной утешительнице, слушательнице и советчице на все случаи жизни. Двоюродная сестра ее отца жила в другом городе, но была в курсе всей жизни Марины, заменяя ей близкую подругу и мать, когда к тому была потребность. Марина могла звонить ей раз в месяц, а могла и каждый день – четкого графика не имелось.

– Приве-ет, – послышался веселый женский голос, – как жизнь молодая?

– Ты старше меня всего на десять лет, неужели считаешь себя старухой?

В трубке рассмеялись, но смех этот сразу прервался.

– Что-то мне голос твой не нравится. Случилось что?

– Так... знаешь, вообще-то много чего, но...

– Много чего, говоришь? Давай-ка в таком случае по порядку.

– Тебе удобно разговаривать?

– Со своей племянницей? Всегда удобно!

Пожалуй, тетя была единственным человеком, при общении с которым Марине приходилось разговаривать целыми абзацами, а не короткими фразами, да и вообще – подчистую высказываться, вываливая все, что накопилось.

– Все началось еще с утра. Отец чего-то был не в духе, ну и, слово за слово, в общем, обычная история. Ты мне не дочь, пошла вон.

– Ох, Леня... Ну, ты же знаешь его. Перебесится.

– Мне идти некуда, – напомнила Марина.

– Переночуй у друзей – пусть поволнуется. Сам потом прибежит с распростертыми. Всю свою военную часть на ноги поставит и отправит тебя искать.

– Было бы у кого. Ладно, на этот счет у меня уже есть план. Неважно. Сколько раз уже такое было.

– А что еще случилось?

– Матвей.

– До сих пор?

– Ага.

– Просто стоит и курит?

– Провожает глазами. Потом идет за мной. На пары стал ходить чаще после разрыва. Думаю, из-за меня.

– Из-за кого же еще?

– Садится в самом конце аудитории. Не видно его, не слышно. Не балагурит, как прежде.

– И ничего тебе не говорит?

– Словами – ничего. Но взгляд красноречив.

– Пройдет. Он парень. Месяц-другой – встретит новую девушку. Своего уровня. Не переживай. Мужчины причиняют нам столько боли, обманывают и предают, а мы волнуемся из-за таких мелочей... Не бери в голову.

Марина кивала, но вслух не говорила ни слова, уверенная в том, что тетя умеет без звука и визуального контакта ощутить ее согласие и понимание. И это действительно было так. На том конце провода, в другом городе, далеко отсюда, ее тетя представляла себе, как племянница слушает и утвердительно качает головой, по привычке кусая губы.

– Появилась возможность пройти этим летом практику в лаборатории при институте, – заявила Марина, угнетенная тем, что пришлось вернуться к этой теме.

– Отлично! Попробуешь?

– Не знаю... правда, не знаю...

– Что это с тобой? Я тебя не узнаю. Мне казалось, ты мечтала об этом?

– Мечтала и мечтаю, но я, пойми, в каком-то замешательстве. Я боюсь, – призналась Марина и тут же постыдилась своего признания.

– Чего? Или, может, кого?

– Кого, – подтвердила девушка. – Нужно будет пройти комиссию на профпригодность и стрессоустойчивость. В общем, туда кого попало не возьмут. Но меня пугает не это – это мелочи. Меня пугает то, что членом комиссии будет Горбовский.

– Тот самый! – воскликнула тетя, наслышанная о преподавателе во всех отталкивающих подробностях.

– Тот самый. Теперь понимаешь?

– Нашли, кого поставить...

– Он сам объявил нам, и, как я поняла, настроен очень враждебно к этой затее, так что не намерен кого-либо пропускать, будь то даже сам Луи Пастер. Мне кажется, он изначально был против, но его заставили в этом участвовать. Так что теперь он из чистого желания отомстить сделает все, чтобы проект провалился.

– Есть ли в таком случае смысл действовать, если эта попытка заведомо обречена на провал?

– Вот и я задаю себе тот же вопрос! – оживилась Марина. – И никак не могу понять, чего во мне больше – сомнений или желания идти напролом.

– Если хочешь знать мое мнение, я бы не пошла. Зачем? Мне хватает с лихвой твоих рассказов, чтобы понять: Горбовской не из тех людей, которым свойственны снисходительность, понимание, доброжелательность и все в этом роде. Чудес не бывает. Он не изменится в лучшую сторону именно в этот день и в этот час.

– Сегодня он назвал нас инфузориями.

– Вот и я о том же. Вы для него не люди, а очередные микроорганизмы под микроскопом, в который он смотрит всю свою жизнь. Он никому из вас не пойдет навстречу. Так что... не вижу смысла. Риск нажать себе врага не оправдан.

– Согласна. Да, я все это понимаю. Но... есть во мне и второй голос, который тоже находит доводы в свою пользу.

– Знаешь, Марин, если не можешь решить, да или нет, оставь все на волю случая. Бывают в жизни такие моменты, когда самое умное решение, которое ты можешь предпринять – это пустить на самотек. Все само встанет на свои места, безо всяких людей и их принципов. Позволь спонтанности сыграть свою роль, если не можешь склониться к чему-то конкретному.

Марину осенило. Это был выход, который она искала полдня!

– Ты знаешь, а я именно так и поступлю, – сказала она тем голосом, которым люди говорят, когда пытаются ухватиться за очень важную, но ускользающую мысль.

– Вот видишь – все решается. Стоит только тете позвонить!

Марина остро ощутила узы родства, крепко связывающие ее с человеком, находящимся в этот миг за тысячи километров отсюда. Кровная связь умаляет любые расстояния. Она – универсальное средство преодоления препятствий. Марина каждый раз осознавала эту связь так явственно, словно тетя ее находилась с ней рядом, стоило только получить действительно дельный совет родственницы, которая зачастую решала проблемы, сама того не замечая.

Несмотря на то, что все вопросы, волновавшие ее, странным образом разрешились и ушли на второй план, Марине не хотелось прекращать разговор. Ее одолевало столь редкое желание поболтать. И почему-то поговорить хотелось о Горбовском. Слишком глобальные отрицательные эмоции вызвал в ней сегодня этот человек, и нужно было выговорить то, что тяготило душу.

– Сегодня Горбовский очень сильно обидел одну студентку.

– Так-так?..

– Она подошла к нему после пары, чтобы отпроситься. Милая рыженькая девочка, учится хорошо.

– И что он?

– А он в своем репертуаре. Сказал, что ему плевать, даже если у нее кто-то умрет в семье.

– Скот, – сказала тетя и помолчала. – Совесть у него есть?

– Сомнительно. Но вся соль не в этом... После этого девчонка разревелась и пулей вылетела из аудитории. Выяснилось, что у нее действительно умерла мать совсем недавно.

– О, господи... А он это услышал?

– Думаю, что да. Но ему все равно.

– Ох, моя хорошая, теперь ты думаешь об этом, да?

– И это не дает мне покоя. Как будто на моих глазах изувечили невинного. А я просто стояла рядом, и... могла что-то сделать, если бы действительно захотела, но не сделала... Я поступила трусливо. Малодушно. Понимаешь?

– Ну-ну, девочка моя, не вдавайся в самобичевание. Жизнь жестока, а политику отношений нужно поддерживать всегда. Если бы ты высказала ему в лицо, что о нем думаешь, что бы ты изменила? Его характер? Или, может быть, мать этой девочки вернулась бы к жизни вследствие твоей смелости? Ты ничего не в силах поменять, как бы высоконравственна ни была. Мораль – это еще не все. Должна быть стратегия. И то, что ты промолчала, вовсе не делает тебя малодушной. Ты поступила грамотно. Представь, что бы было, если бы ты не сдержалась и поругалась с ним из-за этого. Как бы ты себя сейчас чувствовала? Гораздо лучше, как считаешь?

– Но все же мне... тяжело, когда я об этом вспоминаю.

– Иначе и быть не может. Это жизнь.

– Убедительно, – сказала Спицына и помолчала. – Сердце болит.

– Что же конкретно заставляет его болеть?

– Не знаю... – Марина задумалась. – Трудно разобраться.

– Только лишь то, что ты безмолвно позволила этому произойти? Или что-то еще?

– Что-то еще.

Несколько секунд они молчали, по-своему пытаясь докопаться до сути.

– Тебя волнует то, почему он такой? – предположила тетя.

Марина задумалась и...

– Нет, что ты! – резко ответила она, уже понимая, что врет.

– Зачем обманывать тетю? Словно я не пойму, осуждать начну.

– Просто я задумалась и испугалась, что это и правда может быть так. Но пока что я сама не понимаю, что меня тревожит. Надеюсь, не то, что ты сказала.

– В этом нет ничего постыдного. Каждый человек рано или поздно задается вопросом, в чем корень того или иного зла...

– Мне не стыдно, мне противно, – прервала Марина, – это разные вещи. Я снова и снова вспоминаю о нем, несмотря на то, что мне это омерзительно. Хотела бы прекратить думать о нем и обо всей этой ситуации, а не могу. Словно болочая заноза засела под кожей... Меня просто тошнит от этого.

– Вот что: тебе надо отвлечься. Найди что-нибудь, что сумеет заглушить эти ощущения.

– Надеюсь, само пройдет. Мне надо быть более терпеливой.

– Марин, ты такая впечатлительная! Как бы чего не вышло...

– Что ты имеешь в виду? – прищурилась Марина.

– Да нет, ничего, не забивай голову. Это не имеет значения, к тому же я не хочу сглазить.

– Ладно, я уже подхожу к дому.

– Хорошо, родная, позвони, когда сочтешь нужным.

– Позвоню, – пообещала Марина, замедляя шаг.

– Люблю тебя. Миритесь с Леней – это самое главное.

– Знаю. И я тебя.

Марина сбросила звонок и спрятала сотовый в карман. В нерешительности постояла у входа во внутренний дворик, переминаясь с ноги на ногу и периодически сжимая кулаки. Затем шагнула внутрь и направилась к детской площадке. Там, под цветущим розовым деревцем японской вишни, стояли новенькие ярко-зеленые качели. Марина села на них, подхватила ноги и стала легонько качаться, глядя перед собой и силясь очистить голову от ненужных мыслей. Ветерок приносил дурманящий запах сирени из соседнего двора.

Через полчаса из подъезда вышел отец. Должно быть, увидел дочь с балкона, пока курил, и теперь спустился (так и планировала Марина). Он медленным шагом подошел к девушке и встал напротив. Во всей его фигуре, рослой и крепкой, сейчас ощущалась приглушенная вина и скрытая неуверенность. Он прокашлялся, намекая на свое появление.

Но Марина не подняла глаз. Она глубоко ушла в себя, внутри нее сейчас происходили глобальные по масштабам процессы, в ней разворачивались и угасали целые морально-философские вселенные, сияющие мириадами звезд и планет. Марина не видела ничего перед собой, поглощенная созерцанием этого действия, пока отец не вытащил ее из бессознательного космоса.

– Чего это ты тут сидишь, домой не заходишь?.. – спросил он странным, не своим голосом.

В этой интонации ощущалась готовность со всем смирением принять обжигающий, обвиняющий, карающий взгляд дочери, которого он, несомненно, заслуживал; и узнать в нем взгляд женщины, которая ушла от него, оставив ребенка, но все еще была любима, и ужаснуться этому дьявольскому сходству, и обрадоваться ему. Точно так же, как Леонид Спицын обожал и пре-

зирал бросившую его жену, он любил и ненавидел свою дочь, похожую на мать и внешне, и характером, хотя матери даже не помнившую.

Одним своим существом дочь напоминала отцу о сердечной трагедии, которую ему пришлось пережить, и он бросался из крайности в крайность, проецируя на Марину свое противоречивое отношение к бывшей жене. Он был готов презирать беглянку, срываясь на дочери по мелочам, и в то же время готов был простить ее, если она вернется – в этом настроении Леонид обычно шел мириться.

Любимая женщина покинула его, но не полностью – она оставила большую часть себя в их общем ребенке. Щедро, но недостаточно. Марина не помнила мать и не видела ее фотографий (благодаря стараниям Леонида), а поэтому даже не догадывалась о том, что невольно напоминает ее почти каждым своим движением или взглядом, иначе поведение отца стало бы более понятно, и было бы легче принять все обидные слова, которые он в исступленном гневе бросал дочери в лицо, как огненные комки.

...Марина очнулась от думы и подняла испуганные глаза на отца. Он понял, что дочь не собирается его обвинять, что она *уже* простила его, и у него защипало в носу. Марина протянула ему руку, Леонид взял ее, и их пальцы сплелись с вновь возникшей родственной нежностью. Не нужно было слов – все разногласия остались далеко позади. Мужчина присел рядом с дочерью и приобнял за плечо.

– Почему люди так жестоки? – потерянным голосом спросила Марина, глядя в пустоту.

– Потому что несчастны, – без раздумий ответил отец, не сознавая, до чего был прав не только на счет себя.

Глава 5. Кошмары

«Потому что у вас, в вашем положении, не только друзей нет. Вы до такой степени одиноки, что у вас и врага нет!»

Бр. Стругацкие, «За миллиард лет до конца света»

Кругом, покуда видели глаза, тянулось море зеленой травы и бесконечность синего неба.

Пейзаж простирался до самого горизонта, в какую сторону ни повернись, но не вызывал уныния своим однообразием. Даже наоборот – великолепное буйство чудилось в игре всего лишь двух оттенков, таких ярких и сочных, таких концентрированных, что в душе любого человека зарождалась самозабвенная радость и страсть к жизни, желание дышать полной грудью и быть счастливым несмотря ни на что.

Мягко шелестела высокая трава, касаясь рук и перекатываясь крупными волнами от свежего ветра. Значит, где-то рядом вода, подумал Горбовский и тут же услышал детский смех. Он обернулся и увидел бегущего ему навстречу мальчишку, лишь русая голова которого мелькала над травой.

– Там речка, папа! Настоящая речка! Пошли с нами! – задорно крикнул мальчик и обнял отца за ногу.

Горбовский привычным движением прижал мальчугана к себе, затем с легкостью поднял на руки.

– А где мама? – спросил Лев, ощутив первое прикосновение смутного беспокойства.

– Там! – мальчик протянул ручку и положил голову на плечо отца. Так он чувствовал себя как за каменной стеной, и Горбовский был необъяснимо горд этим. Он обожал сына, как только может обожать родитель своего ребенка, а может, даже больше.

Кирилл сопел у него на груди, крепко обнимая за шею, пока они шли к реке, и в этом было какое-то безграничное, необъяснимое, первобытное счастье. Горбовский держал мальчика одной рукой, а другую не отрывал от переливающихся зеленых волн. Ему казалось, что все это он уже когда-то пережил, но чем все кончилось, никак не мог вспомнить. Сейчас он только смутно ощущал, что ему нужно найти жену, иначе произойдет нечто...

Нечто.

Мальчишка первым заметил женскую фигуру у реки, проворно соскочил на землю и помчался к маме. Горбовский ускорил шаг, понимая, что идет к неизбежному, но и не в силах остановиться.

Даже издали молодая женщина была сказочно красива. Ветер развеивал ее пшеничные волосы, речная вода омывала стройные ноги, легкий светлый сарафан колыбался, облекая фигуру то с одного бока, то с другого, но так и не очерчивая точного силуэта.

Она обернулась, заметила Льва и тепло улыбнулась ему. Горбовский почувствовал, как слабеют колени, застыл в немом изнеможении. Он не мог оторвать от нее глаз, как и в первый раз, когда увидел ее. Кирилл подбежал и обнял мать, но тут же отлип от нее и полез плескаться в воду. Он был так неуловимо, так славно похож и на нее, и на Льва, что сердце замирало в истоме.

– Лева, иди сюда, – позвала эта женщина, и голос ее манил и очаровывал подобно песням сирен, сгубившим сотни моряков.

– Алена, – сказал Горбовский и словно поплыл навстречу ей. – Алена...

Каждое слово отзывалось долгим, затихающим эхом.

– Смотри, какая здесь чистая речка, – простоудушно сказала она, протягивая руки к мужу.

Молочно-голубые ее глаза мягко светились неподдельно чистым чувством, и улыбка сияла, и волосы мерцали, и кожа слепила белизной. Горбовский обеими руками прижал молодую женщину к себе – ему не верилось, что он обладает таким сокровищем. Та приглушенно рассмеялась, уткнувшись лицом ему в грудь.

– Лев, прекрати, – она наигранно отстранялась и с озорным выражением смотрела на него, и он смотрел на Алёну во все глаза и никак не мог насмотреться, и никак не мог поверить.

Она шутила с ним, не понимая, что скоро все это кончится, растрчивая бесценные моменты на всякую мелочь, и лишь Горбовский был серьезен, он почти все вспомнил и понял...

– Мам, смотри! – воскликнул Кирилл, указывая пальцем на небо.

Горбовский знал, что именно сейчас увидит. Он стиснул жену и позвал:

– Сынок, иди сюда, скорее.

– Лев, что такое?

Теперь Алёна не отстранялась – ей тоже было страшно. Пространство наполнилось глухим рокотом, и рядом возник огромный серо-зеленый вертолет. Зловеще зависнув в воздухе, он создавал порывы ветра, пригибающие траву к земле. С Алёны практически срывало сарафан.

– Я боюсь, – прокричала она, и крик утонул в грохоте несущего винта.

Вертолет стал снижаться. Горбовский почувствовал, что у него снова хотят отнять родных, и сознание помутилось от гнева. Ему не впервые было так страшно, он боялся за жизни близких, но точно не за свою.

– Бегите, – крикнул он жене и сыну, подталкивая их себе за спину. – Бегите со всех ног.

Тут начиналось самое страшное. Алёна и Кирилл внезапно падали на землю, лица их сковывали гримасы ужаса, и Горбовский начинал кричать, но не слышал себя из-за проклятого вертолета. Он знал, что сейчас они умрут, и не мог сдержать рыданий, рвущихся из горла.

...мужчина открыл глаза и сдавленно выдохнул. Лицо его было в испарине. Еще несколько секунд он лежал без движения, не вполне осознавая, что уже выпал из сна и находится в другом месте.

События, происходившие несколько мгновений назад, казались гораздо более реалистичными. Цепенящее отчаяние постепенно стало сходиться на нет. Спустя минуту Горбовский мог разжать кулаки и пошевелить затекшей шеей. Простынь была смята в гармошку от беспокойного сна, одна подушка лежала на полу – мужчина ворочался, силясь проснуться, но не мог вырваться из тисков коварного капкана подсознания.

Лев Семенович сел в постели, откинув одеяло, вслепую протянул руку и взял со столика наручные часы. Было обычное время, когда он поднимается на работу.

В ушах еще отдавало грохотом лопастей, но он становился все тише и тише, неохотно отступая перед звуками реальности и позволяя забыть, стряхнуть с плеч тяжелое предчувствие неизбежности. Горбовский поднялся, раздвинул шторы и приоткрыл окно. Прохладный воздух весеннего утра робко проникал в комнату, еще населенную душными призраками ночных кошмаров.

Уже много лет – один и тот же сон в различных вариациях, и от этого нет спасения, кроме работы.

Почесав волосатую грудь, Горбовский подавил зевету и поплелся в ванную. У зеркала, выпятив подбородок, он коротко осмотрел и ощупал зеленоватую щетину, обозначившуюся за ночь, но решил пока не бриться. Собственный внешний вид мало его интересовал. Запавшие от усталости, поблекшие глаза, окруженные, как очками, желтовато-коричневой тенью, четко выступающие скулы, резкая линия тонких бесцветных губ – все придавало его лицу осунувшееся выражение и еще больше старило его, хотя он и так был немолод.

Проведя ладонью по серебристым вискам, Горбовский замер перед зеркалом и со странным выражением заглянул себе в глаза. Он хотел бы спросить себя о чем-то, но за много лет задал уже все вопросы, которые мог, и не получил ни одного ответа. Больше не было смысла ни спрашивать, ни обвинять, ни требовать справедливости. Оставалось угрюмо молчать и с головой уходить в работу, чтобы ничего не вспоминать.

Во взгляде, которым он награждал себя каждое утро, была неумолимая жестокость и неприязнь к собственному «я». Горбовский не был самовлюблен или эгоистичен. Он относился к самому себе с той же холодностью и безжалостностью, что и ко всем окружающим людям. И никогда не исключал себя из списка тех, кого следует ненавидеть и презирать по определению.

Этим утром Горбовский чувствовал себя морально разбитым даже более обыкновенного. События сновидения хоть и выветрились из памяти, но изнутри настойчиво продолжали обволакивать сердце пальцами из ледяного желе. Лев старался не обращать внимания на болезненный холодок в груди, так как считал непозволительным поддаваться слабости и не прощал себе беспокойства о собственном самочувствии.

Однако легкая апатия все же одолела Льва Семеновича. Так и не натянув ни домашних штанов, ни даже рубашки, мужчина отправился на кухню, чтобы закинуть в себя хоть что-нибудь перед долгим рабочим днем. Ему хотелось поскорей уйти из дома на ближайшие двенадцать, а то и тринадцать часов, на две смены, чтобы не было и минуты думать о чем-то постороннем.

Уже более десяти лет он поступал именно так, поэтому любой человек, знавший его в качестве коллеги, мог бы без колебаний заявить, что у Горбовского, видимо, совершенно не остается свободного времени, что он живет на работе и не имеет личной жизни. И все это было чистой правдой! Однако Лев Семенович поступал более чем осознанно. Он давно избрал такой образ существования, позволяющий без остатка отдаться делу, которому семнадцать лет назад, в переломный момент жизни, решил посвятить себя.

Перед самым выходом из дома Горбовский случайно обратил внимание на фотографию в прихожей. Изображение в деревянной рамке висело здесь уже столь долгое время, что глаза привыкли к нему и практически не различали на фоне обоев. На фото был запечатлен молодой Лев и совсем еще девчонка Алена, держащая на руках полугодовалого ребенка. Молодые родители сияли от счастья и прижимались друг к другу. Они словно уже тогда ощущали, что их может разлучить нечто намного более могущественное, чем их чувство друг к другу, – судьба.

Час спустя Горбовский вихрем летел по первому этажу института, игнорируя приветствия коллег и студентов. В стенах учебного заведения он всегда менялся в худшую сторону, но только внешне. Внутренне он не мог поменяться: хуже там быть уже не могло.

Весь будто выточенный из дерева, прямой, твердый, на негнущихся ногах, он шагал быстро и размашисто, словно в гневе. Короткие темные волосы, белые на висках, были похожи на щетку ежовых иголок. Резкие, словно углем выведенные на белой бумаге черты лица напоминали резьбу по дереву, что наводило на мысль о древних идолах, которым приносили жертвы. Тонкая и прямая, как лезвие, полоска бледного рта почти не выделялась, пока он не начинал говорить.

Студенты, как всегда, ждали его в полном составе. Он порывисто ворвался в помещение, и ветром открыло несколько тетрадок – все было как обычно. Первая ассоциация, которая возникла у Горбовского при виде забитой аудитории, была связана со способностью простейших образовывать колонии. Ему представлялось, что он читает лекцию большому скоплению амёб или других одноклеточных, и поэтому информация, которую он давал им, была в крайней степени понятна и легко усваиваема.

Он специально не завышал мнения о студентах, наоборот, максимально занижал его, чтобы даже самые безнадежные уходили с его лекций хоть с небольшим запасом знаний. При-

том он никогда бы не признал, что таким образом проявляет свое безразличие к интеллектуальному росту обучающихся.

Такой подход не только облегчал его преподавательские часы, но и действовал. Несмотря на эмоциональную сухость и порой невыносимую официальность лекций, студенты понимали восемьдесят процентов данного им материала, разложенного чуть ли не на молекулы. И долго еще они дословно помнили большую часть того, что произносил уверенный и сухой голос того самого Горбовского.

Лев Семенович изначально установил между собой и студентами непреодолимое ментальное расстояние и сократил все контакты до минимума. Читая лекции (практические занятия вел другой преподаватель), он никогда не смотрел на кого-то конкретно. Но если кто-то и пересекался с ним взглядом по жестокой случайности, этому студенту казалось, что он видел два тлеющих красных угля на темной остывшей золе, и некоторое время ощущение ожога не оставляло его.

Впрочем, все избегали смотреть Горбовскому в глаза – боялись разгневать или напроситься на унижение. Точно так же не принято смотреть в глаза хищникам – это может спровоцировать нападение, заставив их чувствовать конкуренцию. К тому же во взгляде Горбовского была слишком большая палитра чувств: от гнева и презрения до печали и разочарования. Их смесь была так непривычна, так непонятна и так отталкивающе воздействовала на людей, что многие просто не хотели видеть этих глаз, потому что не понимали, чего они требуют, и требуют ли вообще, или приказывают, или ненавидят, или умирают от чего-то.

Три занятия прошли незаметно для самого Льва Семеновича. Вычитывая материал, он порой неосознанно углублялся, слой за слоем раскрывая основы молекулярной биологии вирусов как раздела общей вирусологии. Багаж его знаний, пожалуй, нельзя было бы уместить в какой-либо иной голове. Горбовский страстно любил свое дело, и не было области в этом разделе микробиологии, которая бы до сих пор оставалась неподвластна его недюжинному уму во всех своих аспектах и специфических особенностях.

В два часа дня Лев Семенович отправился на обед. В столовой он сидел один, что естественно, так как отношения его с коллективом тоже были далеко не радужными. Особенно после решения о комиссии, принятого несмотря на его яростный протест.

Горбовского до сих пор коробило при одной мысли о том, что в лаборатории может появиться посторонний человек, лишний и бесполезный винтик в давно отлаженном и четко работающем механизме. Он был уверен, что все сразу пойдет наперекосяк, и не собирался допустить этого.

Глава 6. Девятьсот девятый

«Великий стратег стал великим именно потому, что понял: выигрывает вовсе не тот, кто умеет играть по всем правилам; выигрывает тот, кто умеет в нужный момент отказаться от всех правил, навязать игре свои правила, неизвестные противнику, а когда понадобится – отказаться и от них».

Бр. Стругацкие, «Град Обреченный»

По пути из институтской столовой в здание НИИ Горбовский уже предвкушал – вот-вот он окажется там, где чувствует себя как рыба в воде, где знакома каждая полочка и каждая колбочка, где кресло, стол и микроскоп – самые родные сердцу вещи. Он обожал свою лабораторию и подсознательно считал ее вторым домом, который был ему милее уютной маленькой квартиры, где он коротал ночи и не более того.

Лев Семенович вошел в проходную и направился к своему шкафчику. Там он переобулся в стерильные мягкие ботинки и накинул на плечи специальный лабораторный халат. На лестнице он встретил пару знакомых из секции генной инженерии и поздоровался с ними коротким сдержанным кивком. Если в институте, среди студентов, Горбовский ожесточался и весь напоминал дикобраза, то в НИИ он немного смягчался. Здесь он контактировал с умными и адекватными людьми. Вместо того, чтобы открыть дверь всем корпусом и ворваться внутрь, как получалось в институте, здесь мужчина входил в помещения, как обычные люди, а не как порыв урагана.

Секция вирусологии занимала восточное крыло и состояла из пяти просторных помещений. Лев Семенович вошел в первое из них – ученые шуточно называли его «комнатой отдыха», хотя на самом деле в нем никто никогда не отдыхал, кроме, разве что, обеденного времени. Именно здесь занимались самой скучной и нудной бумажной работой: составляли отчеты и сметы, заполняли анкеты, проводили расчеты и прочую обязательную волокиту.

Здесь равномерно распределялись шесть столов, на каждом из которых помимо монитора и принтера была навалена кипа документов. Полуметровые стопки бумаги почти никогда не разгребались по причине тонкой душевной организации вирусологов, полагающих, что в науке есть дела и поважнее макулатуры.

На бледных стенах важно значились портреты главнейших деятелей вирусологии: был тут и Дмитрий Ивановский, и Мартин Бейеринк, и Луи Пастер, и Фридрих Леффлер... Вместо обоев все было оклеено масштабными плакатами с теоретическим материалом, начиная классификацией по Балтимору и заканчивая информацией о структуре, геноме, жизненном цикле вирусов. Стоило только какому-нибудь факту вылететь из головы, можно было повернуть эту самую голову влево или вправо и освежить память. Плакаты были идеей многоуважаемого ученого-поляка, заведующего секцией, которого Горбовский и застал в комнате отдыха.

– Здравствуй, Лева.

Седой мужчина преклонных лет на мгновение оторвался от заполнения документов и окинул взглядом из-под спущенных очков человека, которого считал своей правой рукой.

– Здравствуйте, Юрек Андреевич. Все заполняете?

– Все заполняю, – кивнул дедушка-поляк и перевернул страницу. – Тебе тоже вон принесли, придется посидеть.

– Обойдутся, – хмыкнул Горбовский и прошел мимо своего рабочего стола, даже не удостоив его взглядом.

– Так я и предполагал, – улыбнулся Пшежень в длинные белые усы. – Твои товарищи уже там. Должно быть, обсуждают последнюю статью из Московского центра. Уже читал?

– А стоит?

– Понятия не имею. Спроси Гордеева, если рискнешь. Как ты успел понять, с этими проклятыми сметами мне некогда заниматься теорией. Из главного требуют строгой отчетности – только бы лишней копейки на науку не упустить.

– Возьмите себе практиканта, пусть заполняет, – мрачно посоветовал Горбовский, натягивая на руки белоснежные перчатки из тонкой прорезиненной ткани.

– Лев, ты же знаешь, в этом вопросе я полностью на твоей стороне, – примиряюще заговорил Пшежень, не упуская из внимания документы. – Ситуация остается в твоих руках, поступай, как тебе заблагорассудится.

– Знаю, – отозвался Горбовский. – Практикантов у нас не будет.

Пшежень кивнул будто бы сам себе, все еще глядя в бумаги, и Лев Семенович оставил его одного.

Он очень уважал Юрека Андреевича по многим причинам. Во-первых, тот был старше Льва не на один десяток лет. Во-вторых, нес ответственность за всю секцию и прекрасно с этим справлялся. В-третьих, Пшежень был на редкость мудрым и справедливым человеком, никогда не участвующим в конфликтах, но всегда разрешающим их. В-четвертых, в силу своего профессионального стажа он пользовался негласным авторитетом и имел колоссальный по объему запас научных знаний и опыта, что, пожалуй, превыше остального восхищало Горбовского. Помимо этого, Пшежень был просто добрейшей души человеком, адекватным этой реальности; немного мягким для ученого, но сохраняющим здравый ум, свежую память и тот самый стержень, который, единожды проявившись в человеке, направляет его на поприще точных наук.

Комната отдыха была сквозной, и за ней следовало помещение, где располагалось основное научное оборудование: микроскопы, вычислительные машины, стеллажи с химикатами, реактивами и биологическими образцами, колбы и пробирки разных размеров из кварцевого стекла и пластика, застекленные металлические вытяжные шкафы, центрифуги и необходимая лабораторная мелочь. Здесь пахло стерильностью так, что с непривычки щипало слизистую глаз и носа. Яркий белый свет тридцати рядов длинных диодных ламп не оставлял в тени ни единого сантиметра; под потолком функционировала мощная система вентиляции.

Лаборатория была сердцем секции вирусологии, и площадь этого сердца была немаленькой. Но все пространство было так плотно заставлено мебелью и агрегатами, приборами и устройствами, что разгуляться практически негде – изначальный простор помещения давно уже не был заметен. Чтобы попасть из одного места в другое, ученые ходили по узким проторенным проходам, напоминающим разветвления лабиринта. Сеть этих «тропинок» уже настолько въелась в моторику ежедневных передвижений, что любой из сотрудников мог бы ходить здесь с закрытыми глазами.

Горбовский замер на пороге на одно мгновение, в течение которого внутри него развернулось нечто, заставляющее обычных людей улыбнуться, а его – смутно задуматься.

– Вот, Лев Семенович, прекрасно! – тут же воскликнул вечно возбужденный Гордеев, протягивая руку. – Иди сюда, побудь у нас третейским!

Гордеев и Гаев сидели каждый за своим микроскопом, занимаясь скрупулезной работой, но ни в коем случае не прекращая спорить ни на секунду. Как ни странно, а в их случае одно другому не мешало. Вмешиваться в их вечные пререкания было чревато – можно оказаться виноватым, так никого из них и не переспорив, потому что эти двое никогда не слушали чужое мнение.

Слава и Саша дружили настолько плотно, что ежедневно ссорились, причем безо всякого вреда своим теплым отношениям. Даже, наверное, можно сказать, что в этих спорах и состояла вся соль их дружбы. Они всегда имели противоположные мнения, идеи, суждения и взгляды на все, что существует, и могли бесконечно долго доказывать друг другу свою правоту. Иногда Горбовскому казалось, что оба они – просто две ипостаси одного и того же человека, как

две стороны одной монеты, не похожие друг на друга, но являющиеся взаимодополняющими частями целого.

– А где Тойво? – спросил Горбовский, по привычке игнорируя просьбу и боком пробираясь по проходу вдоль шкафа у стены.

– На складе, – нетерпеливо ответил Гордеев, махнув себе за спину. – С новым оборудованием для ультрацентрифуг разбирается, сегодня утром привезли, завалили все под завязку, теперь там не пройти. Мы с Гаем повозились до обеда и поняли, что на это весь день уйдет, а мы сюда устраивались далеко не сборщиками. По специальности, знаешь ли, тоже хочется поработать. Нет, ты все же послушай и рассуди нас, Лев Семеныч... Ты читал? Читал Колесника?.. Это же просто но-онсенс!

Горбовский, откинув полы халата, сел за свой стол и открыл журнал учетных записей. Он думал лишь о том, на чем остановился вчера перед уходом домой, и ему было не до безумных споров, не имеющих разрешения. Он слишком любил практическую сторону микробиологии, чтобы уделять время на чтение чьих-то статей.

– Как девятьсот девятый? – спросил он, захлопнув журнал, и стал настраивать увеличительную дужку на матовом теле микроскопа, касаясь прибора с особенной деликатностью.

– Он издевается над нами, – смиренно констатировал Гаев.

Гордеев знал, что Горбовский не станет вмешиваться в спор и не поможет им решить вопрос, если его основательно не достать. Но мнение Льва Семеновича, редкого специалиста, было очень важно Гордееву, поэтому он и старался всеми путями достучаться до товарища. Ему казалось, если ответить на все вопросы Горбовского, он снизойдет до их спора и рассудит, кто прав. А это единственный путь переспорить Славу.

– Да в полном здравии твой девятьсот девятый, – раздраженно ответил Гордеев, ерзая в кресле, – в отличие от пятьсот третьего.

– «Rhabdoviridae»? – уточнил Горбовский.

– Он самый. Деклассифицированный, штамм-19. Вакцина 217-V провалилась. Но я не собираюсь сдаваться.

– И в чем там дело?

– Да как всегда, в денатурации белка. Антивирус должен был повысить способность организма бороться посредством ускорения обменных процессов. Поначалу пятьсот третий обнаруживал выздоровление, но я не учел, что температура его тела все это время повышалась, и подскочила в итоге до такой степени, что постепенно разрушила белковую структуру. Я должен был обратить на это особое внимание, но решил, что это побочное действие искусственного влияния на скорость обменных процессов. В результате иммунная система «сломалась», ночью произошел апоптоз жизненно важных тканей... В общем, организм пятьсот третьего оказался слишком слаб, чтобы это перенести.

– Жаль, – сухо заключил Горбовский и клацнул зубами.

– Я сейчас занимаюсь этим вопросом. Новая вакцина будет учитывать все недостатки предыдущей. В этот раз я инфицирую самую крепкую особь и буду чутко регулировать температуру бокса. Так что не теряйте веры, я все еще близок к прорыву.

– Не ближе, чем Лев Семенович, – усмехнулся Гаев, спустив коллегу с небес на землю.

Гордеев от такого заявления даже оторвался от окуляров микроскопа. Испепелив взглядом Гаева, который сделал вид, что не заметил этого, он произнес:

– Я понял, это так ты мстишь мне за то, что я прав по вопросу Колесника. Однако, мой дорогой друг, ты этого никогда не признаешь, но твои колкости говорят все сами за себя, – с каждым словом он все более распалялся, совсем было забыв о статье, по поводу которой уже было столько оговорено в тот день.

– Колесник напоминает мне человека с улицы, который случайно попал в здание микробиологии и принялся там всем указывать, – парировал Гаев. – Лев Семенович гнал бы такого в шею.

– Второй раз уже кормили? – вклинился Горбовский.

– Тойво кормил, он у нас сегодня как служаночка носится по лаборатории, – ответил Гордеев, и тут же, без перехода, продолжил спорить с Гаевым, – научная новизна, коллега! Все дело в новаторстве! Всех, кто его проявляет, закидывают камнями! А, между прочим, когда-то было безумием опровергать то, что Земля плоская! Не будь дикарем и признай, что рано или поздно приходят люди, которые предлагают абсолютно иной способ решения насущного вопроса, и через сто лет этих людей признают гениальными!

– Но сначала их сжигают на костре, – между делом заметил Лев Семенович.

– Колеснику далеко до этого, – отрицал Гаев. – Он отвергает труды гениальнейших ученых, закрывает глаза на аксиомы микробиологии, ему плевать на научное наследие, на котором базируются все современные прин...

Дальше Горбовский уже не услышал, потому что вышел в одну из трех дверей, уводящих из лаборатории, прихватив личный блокнот наблюдений, и оказался в виварии. Здесь находилось множество боксов с подопытными, стоящих друг на друге: крысами, морскими свинками, хомяками, кроликами, даже собаками. Выстроены они были так, чтобы образовывать между рядами длинные узкие проходы.

Особого шума здесь не было, впрочем, как и запаха, ведь современное оснащение боксов включало в себя и звукоизоляцию, и фильтрацию воздуха, и ультразвуковую чистку. Легкой поступью Горбовский направился к той клетке, где коротала свои дни черная крыса под опытным номером 909.

Три дня назад Лев Семенович инфицировал девятьсот девятого штаммом «Lyssavirus» и ровно через двенадцать часов инкубации вакцинировал собственной сывороткой 201-С. Особь стала медленно идти на поправку. Анализ крови показывал, что ее собственные клетки ведут активную борьбу, но истребить вирусные частицы полностью не могут. Все осложняется тем, что даже единственный выживший вирион вновь разрастается и подчиняет себе иммунную систему. Нужна вакцина, способная убить вредоносные частицы, пока те не сломали иммунный механизм, не убив при этом саму особь и не навредив ей. Пока что такой вакцины найдено не было.

Девятьсот девятый смиренно сидел в уголке одной из пластиково-металлических камер, которые по старой советской привычке назывались клетками, хотя давно ими не являлись. Черно-красные глаза крысы казались мутными и слегка озлобленными. Животное судорожно дышало, и отсвет встроенной в камеру лампы переливался на гладкой черной шерсти.

Горбовский нажал на кнопку инфракрасного сканирования, сверил результаты со вчерашним днем и записал их в блокнот резким непонятными почерком. Положение девятьсот девятого заметно ухудшилось. Горбовский предполагал, что минимум через три дня в организме животного произойдет лизис, и вакцина проиграет вирусу.

– Эй, девятьсот девятый, – Лев Семенович тихонько постучал по стеклу, но крыса не обратила внимания, все так же содрогаясь, будто в ней происходило нечто, стремящееся вывернуть ее наизнанку, – держись, я в тебя верю.

Он выпрямился и захлопнул блокнот. На самом деле ему не было жалко бедное животное – на его глазах за все время, что он работал, от инфицирования погибло достаточно много живых организмов, включая людей, чтобы к этому выработался психический «иммунитет». К тому же Лев Семенович был не того склада характера, чтобы сожалеть о закономерном итоге существа, которое изначально выращивалось для лабораторных опытов. Смерть подопытных была для него настолько же привычным и неотвратимым явлением, как дождь.

Горбовского интересовало только то, насколько успешен окажется изобретенный анти-вирус. Ради этого он работал – *вакцина*. Сохранять жизни миллионов ценою жизней десятков, такая оплата приемлема для него, прагматичного и рационального ученого.

Много лет назад он пошел обучаться в институт микробиологии с одной установкой – спасти людей. Это стало его кредо, его щитом, эта цель помогла выжить ему самому. Он давно позабыл, что работает не покладая рук ради людей и только ради людей, которых в течение профессиональной деятельности отвык считать чем-то важным.

Разработка вакцины и прочая работа вирусолога стала для него машинальным, автоматическим занятием, без которого не проходило и дня, без мысли о котором уже не обходилось. Если бы его сейчас спросили, зачем он этим занимается, он бы глубоко задумался и обнаружил странный парадокс. Семнадцать лет назад он поклялся себе, что отныне будет помогать людям, сейчас он занимался этим упрямо и успешно, но напрочь позабыв свою клятву, которая и привела его на поприще вирусологии.

Проверив общее состояние вивария, систему биоконтроля и камер, режим температуры, вентиляцию, наличие корма и воды, Горбовский вернулся в лабораторию. Почти всегда, когда он входил туда, он заставлял разговор коллег на самом интересном и непонятном месте. Было слышно, что Тойво вернулся со склада, а значит, уже не могло быть тихо.

Тойво Ли Кан был, как бы это попросте сказать, был китайцем. И не просто китайцем, а китайцем, плохо понимающим национальную самобытность русского языка, но до жути любящим русские пословицы и поговорки, смысл которых зачастую знал лишь поверхностно либо искаженно. Естественно, это создавало уникальный комический эффект. И, разумеется, за это Тойво и любили. Работником он был хорошим, ответственным, серьезным, со своей должностью справлялся идеально, но всерьез его никто не воспринимал по причине мягкого характера и детской наивности.

Горбовский направился к своему столу. Увлеченная троица его не заметила.

– А вот если бы наш Горбовский не упирался рогом, этим летом мы могли бы работать бок о бок с парочкой студенток. Понимаешь, о чем я, Ли? – говорил Гордеев.

– Работать, студенты, – повторил Тойво понимающе, – молодые? – он возился с новым фильтром Шамберлана-Пастера, которых во всем НИИ было дефицитно мало.

– Да-да, девушки, понимаешь? Красивые.

– Это хорошо, – сказал Тойво.

– Да уж ничего плохого, – заметил Гаев, глядя в микроскоп, – только Горбовский не хочет. Думает, здесь начнется бардак.

– Считает, что женщине не место в науке, – добавил Гордеев, – как жаль!

– В науке, может, и не место, но в научно-исследовательском институте можно и завести несколько.

– Наверное, это правильно. Баба с возу – меньше навозу, – заметил Тойво с очень серьезным выражением лица.

Гаев и Гордеев коротко переглянулись. Раздался взрыв хохота. А когда они заметили Льва Семеновича, смех стал неудержим. Слава отстранился от окуляров, снял очки и стал протирать глаза от слез, Саша просто закрывал рот одной рукой, не прекращая гомерически хохотать, шумно всасывая недостающий воздух вместе с ладонью. Горбовский спокойно опустил за свой стол, включил компьютер. Ему не было смешно – он слышал подобное уже сотни раз. Ли Кан тоже не смеялся, он был растерян и не понимал, где ошибся.

– Что? Что я не так... сказать? – волновался он.

– Все... все правильно, – задыхаясь, произнес Гордеев, – верно же, Лев Семенович?.. Меньше навозу... господи.

– Да-а-а уж, это необходимо, так сказать, записать, и – в массы, – заметил Гаев.

– Тойво, будьте добры в ближайшие пять минут представить мне полный отчет по регистрации и проверке нового оборудования, – строго сказал Горбовский.

– Так, Лев Симонович, так, точно, – заговорил китаец, от испуга коверкая слова.

Спешно удаляясь в складское помещение, он все-таки спросил у Гаева, что он не так сказал. Гаев посоветовал ему почаще использовать русские пословицы и пообещал, что подарит идиоматический словарь Даля.

– А вы двое – потише тут, – посоветовал Горбовский. – Развращаете бедного Тойво.

– Ни в коем случае, – отнекивался Гаев, возвращая очки на место, – ни в коем случае. Кстати, с утра приходил Крамарь. Очень просил тебя зайти к нему, как найдется время. Говорит, у него есть «преинтереснейший экземпляр, который приведет Горбовского в восторг», конец цитаты.

– Завтра. Все завтра, – медленно произнес вирусолог, уставившись в монитор и скорее разговаривая сам с собой, нежели с коллегами, – нужно брать кровь на анализ у девятьсот девятого, пока он жив. Возможно, на основе антител, выработанных его организмом, удастся создать новую вакцину... более сильную... а еще проверить, заразна ли его кровь для других особей на данной стадии...

Гордеев и Гаев вновь переглянулись, взглядом сказав друг другу, что Лев Семенович снова забылся и говорит вслух, словно обращается к кому-то. Такое с ним бывает, когда он очень глубоко погружен в исследование и ни на кого не обращает внимания. Видимо, Крамарю действительно придется подождать.

Глава 7. Белоснежные перчатки

«Военные вообще не рассуждают, – возразил Павор. – У военных только рефлексы и немного эмоций».

Бр. Стругацкие, «Гадкие лебеди»

Утро было сумбурным, как и каждое утро 9 Мая в семье военного.

Марина встала рано, чтобы приготовить отцу плотный завтрак, ведь во время парада ему будет негде перекусить. Когда он проснулся, а проснулся он явно не с той ноги, выяснилось, что форма, вычищенная и выглаженная Мариной вчера, не устраивает его.

Пока Леонид Спицын завтракал, девушка, ни крошки не евшая, заново чистила яркосиний мундир и протирала до антрацитового блеска черные высокие сапоги. Она не роптала – привыкла. Иной жизни она не знала – отец не мог без нее, и каждый год повторялось одно и то же. Марине казалось, что она уже много лет замужем.

– Быстрее, Марина! – требовательно крикнул отец с кухни, – в девять утра я должен быть на месте!

Марина ответила, что все готово. Отец придирчиво осмотрел мундир и облачился в него не без помощи дочери. Он нервничал, и оттого, что старался это скрыть, нервничал ее больше.

– Перчатки, – коротко напомнил он, выправляясь перед зеркалом.

Марина сбегала в ванную и принесла отцу его сияющие снежной белизной перчатки, выстиранные вручную со специальным отбеливателем, от которого отслаивались ногти. Важнейшая часть парадной формы военного нуждалась в особом уходе. Спицын взял перчатки в руки, осмотрел и вдруг с силой швырнул их прямо в лицо дочери. Марина подпрыгнула от неожиданности, но не растерялась и поймала два белых пятна, пока они не упали на пол.

– С ума сошла?! – прорычал Леонид. – Ты хоть видела, какие они мятые? Хочешь, чтобы я в таких на парад пошел? Утюжить – бего-о-ом ма-арш!

Спешно удалившись, Марина безукоризненно выгладила перчатки, за пару минут успев возненавидеть их. Этот аксессуар, с таким презрением и раздражением брошенный ей в лицо, теперь вызывал у нее почти такое же отвращение, как любое воспоминание о Горбовском.

Старший лейтенант Спицын надел перчатки и шелкнул каблуками перед зеркалом, осматривая себя в полный рост.

– Ты подвезешь меня? – спросила Марина, по пятам следуя за отцом к двери.

– Еще чего. Я и так из-за тебя много времени потерял – могу опоздать. За мной вот-вот приедет служебная машина, а ты даже не одета.

– Естественно, ведь я все утро собирала тебя! – подавленно возмутилась дочь.

– Мне некогда. Иди пешком – не облезешь. Ты не участвуешь в параде, а на мне целый полк солдат, – строго ответил отец, взял фуражку и вышел.

Было без пятнадцати девять. Парад начинался в десять. Марина поплелась завтракать. К десяти она кое-как успела прибыть в центр города, но там уже собралось столько людей, что было не протолкнуться. Площадь оцепили, и вдоль оцепления выставили стражей порядка самых разных калибров – от рядовых до омоновцев.

Ажиотаж стоял колоссальнейший, и Марина, проникнувшись настроением масс, стала пробираться сквозь поток людей ближе к ограждению. Ей хотелось увидеть военный марш и прогон бронетехники. Конечно, с этого расстояния отца разглядеть практически невозможно, да и теперь не особенно хотелось.

Небо в то утро было удивительным: на одной половине громоздились темно-синие тучи на белом фоне, на другой вспучивались крупные кучевые облака, белоснежные в синеве;

и нельзя было четко определить границу, где стороны смешиваются и плавно переходят одна в другую.

После минуты молчания в честь павших в Великой Отечественной Войне солнечный свет затмили ровные клинья вертолетов и истребителей. Тысячи людей стояли, запрокинув головы, рев железных турбин и несущих винтов военной авиации полностью заглушал говор тысячи ртов. Марину восхищало небесное шоу – все мощное и сильное, созданное человеком, было слабостью Спицыной и всегда приводило ее в восторг. В этом она унаследовала страсти и интересы родителя, с которым на самом деле имела намного больше общего, чем могла представить.

Много лет сосуществуя с отцом-военным, Марина научилась у него точности мысли и действий, расчету поступков, практичному складу ума, четкости слова, ответственности и целеустремленности. Мораль равнялась уставу, приказы не обсуждались, а выполнялись, и мир в своей основе был предельно прост, распадаясь на отдельные составляющие, словно иерархия военных чинов. Специально отец ничего не прививал – так сложилось самой собой, да и не могло сложиться иначе в отсутствие материнского воспитания. Ребенок всегда вырастает как продукт той среды и условий, в которых ему приходилось взрослеть.

Кончился марш, поехала бронетехника. Совершенно внезапно рядом с Мариной появился высокий и крепкий юноша, и толпа, сжимаясь к ограждению, сдавила их тела безжалостно и плотно.

– С праздником, – сказал Матвей.

– И тебя, – Марина постаралась отстраниться, но Бессонов успел стиснуть ее и не давал высвободиться. – Пусти, Матвей, ну? Не нужно этого.

– А помнишь, год назад мы вместе ходили на парад? Стояли с тобой вот так, в обнимку, и украдкой целовались. Помнишь, как нам было хорошо?.. – мечтательно спрашивал Матвей, не обращая внимания на сопротивление.

– Хватит, – рванулась Марина, – все кончено. И уже давно.

Но Матвей был намного сильнее, к тому же стоял позади, в выгодной для захвата позиции.

– Да ты успокойся. Не дергайся. Вспомни, как ты меня любила. Я даю тебе время вспомнить.

Марине было противно, но и слишком стыдно, чтобы звать на помощь в огромной толпе людей. Из-за шума бронетранспортеров на ее брыкания мало кто обращал внимание.

– Пусти. Хуже будет.

– Откуда ты можешь знать, насколько мне плохо без тебя? Хуже не будет, мне и так паршиво.

– Отпусти, мне это гадко.

– Нет. Я хочу обнимать тебя, как раньше. Я хочу быть с тобой.

– Я не хочу!

– Ну и что?

– Я не люблю тебя!

– Ну и что?.. – почти безумно спросил юноша.

– Да пусти же ты меня! – крикнула Марина и стала отчаянно вырываться, уже размахивая ногами и задевая людей.

Возню в толпе заметил солдат из оцепления. Покинув пост, он вошел в человеческое месиво, громогласно повторяя: «Дорогу, разойдись, разойдись!» Люди неохотно, но расступались перед человеком в форме, и тот быстро пробрался к нарушителям порядка. Увидев мужчину, Матвей разжал руки. Марина мгновенно развернулась и метко ударила его по лицу, затем сделала шаг назад, насколько это позволяла толпа. Бессонов схватился за нос и тоже отступил на шаг, но поток людей был слишком плотным, и сбежать не удалось. Солдат, не нуждаясь в

прояснении ситуации, отстранил девушку себе за спину. В два шага он оказался около Матвея, схватил его за шиворот, встряхнул как следует и куда-то увел.

Стиснув зубы, Спицына покинула демонстрацию. Как она ни храбрилась, а теперь ей было действительно страшно.

Она хорошо знала Бессонова, знала, что если этот человек переступает черту, его уже нельзя остановить. И отныне эта черта пройдена, теперь-то точно надо начинать бояться и заботиться о своей безопасности. Матвей будет идти к своей бессмысленной цели любыми средствами. Он не сдастся вот так – это не в его стиле. Скорее он покалечит ее, лишь бы она не досталась кому-то еще. И самое плохое во всей ситуации в том, что искать защиты не у кого. Отцу до этого дела нет. А кто остается?.. Она одна, сама по себе. Извечно – сама по себе.

По пути домой Марина позвонила тете и обо всем рассказала. Изначально она не собиралась этого делать, но эмоции взяли верх. Та порывалась приехать, но Марина ее отговорила. Кое-как ей удалось подавить всхлипывания во время телефонного разговора. Бдительность тети удалось усыпить, но та всерьез настроилась позвонить брату и пообщаться с ним относительно безопасности племянницы. Разумеется, ничего хорошего Марине это не сулило, лишь очередную ссору с отцом, возможно, более тяжелую, чем предыдущие.

Леонид Спицын вернулся после полудня – веселый, добродушный. Он обнял дочь и потрепал за плечо, как ни в чем не бывало. Марина смотрела на него исподлобья, понимая, где корни внезапной отцовской заботы. Леонид любил дочь только будучи в приподнятом настроении, в остальное время он готов был всячески измываться над ней. Сейчас он находился в светлом расположении духа, и Марина предположила, что он выпил. Она не стала ему ничего рассказывать – ей просто было противно, и никакие кровные узы сейчас не могли спасти ситуацию.

– Вот что, – сказал Леонид, – мы с сослуживцами хотим отметить вместе, поэтому собираемся за городом на шашлыки.

Как и каждый год, добавила Марина про себя, а вслух сказала:

– Хорошо отдохнуть.

– Ты ведь не обижаешься? Подумай сама – как я могу взять тебя в абсолютно мужское общество, которое, к тому же, ближе к вечеру превратится в пьяных свиней?

– Я не обижаюсь, – отрезала Марина, и отец ощутил таинственный холодок в голосе, так напоминающем сейчас голос ее матери.

– А что я, собственно, оправдываюсь тут перед тобой, – прищурился он и сжал губы. Затем развернулся на каблуках и ушел.

Марина вздохнула с облегчением. Она была рада, что этот вечер проведет дома в одиночестве и сможет посвятить свободное время подготовке к комиссии.

Пока смутно, но девушка решила. Сейчас она скорее склонялась к «да», чем к «нет», и сама не понимала, чем вызван в ней этот кардинальный перелом – перейти от позиции невмешательства к действиям. Возможно, бессовестной выходкой Матвея. Возможно, накаляющимися отношениями с отцом. Возможно, чем-то еще, что размыто и нечетко связано с Горбовским. Пока неясно. Но на всякий случай Марина решила готовиться, хуже от этого точно не будет. Знания не бывают лишними, а если все же с комиссией не сложится, подготовка поможет ей на экзаменах, да и в ближайшем будущем, когда предстоит работать по специальности.

Предстояло прочесть столько, насколько хватит времени, и запомнить наизусть столько, насколько способен мозг. Огромный объем материала не пугал Марину, а представлялся отличным способом убить сразу двух зайцев: сбежать из реальности и заполнить пробелы в знаниях.

Если в жизни что-то идет не так – загрузи себя работой. Труд вытаскивает из любой депрессии, развеет любое несчастье и сделает несущественными проблемы, изменит твоё отношение к любой ситуации. Душа и ум обязаны трудиться, иначе человек погрязнет в апатии, которой

не будет конца. В этом была уверена Марина. Примерно того же принципа придерживался и Горбовский. В его жизни «что-то шло не так» вот уже семнадцать лет, и он безжалостно топил себя в работе, не позволяя останавливаться и оглядываться назад.

В то время как Марина штудировала учебные пособия по микробиологии, читала диссертации и научные статьи, перелистывала толстую тетрадь с лекциями Горбовского (которые пока что были самым понятным и структурированным источником), пытаясь систематизировать свои знания, Лев Семенович, не в силах оставаться дома, сидел в комнате отдыха секции вирусологии, один во всем НИИ в этот праздничный день, и составлял список вопросов и практических заданий для комиссии. Ему хотелось бы, чтобы эти вопросы и эти задания стали камнем преткновения студентов на пути к практике, и он был максимально жесток, балансируя на грани субъективности.

Пока никто из обучающихся не подал даже намека на желание проходить летнюю практику, и это радовало бы Горбовского, если... если бы не ощущалось так явственно и так точно, что вот-вот появится человек, который разрушит идиллию.

Лев Семенович кожей чувствовал: кто-то из студентов хочет провести его, и поэтому будет молчать до самого конца, чтобы не навлечь на себя гнев преподавателя. Как вывести их на чистую воду, Горбовский не знал. Зато как поставить потенциального зазнайку на место, знал замечательно.

Глава 8. Привкус железа

«Вся беда в том, что мы не замечаем, как проходят годы, думал он. Плевать на годы, мы не замечаем, как все меняется. Мы знаем, что все меняется, нас с детства учат, что все меняется, мы много раз видели своими глазами, как все меняется, и в то же время мы совершенно не способны заметить тот момент, когда происходит изменение, или ищем изменение не там, где следовало бы».

Бр. Стругацкие, «Пикник на обочине»

Горбовский был не в духе. И сегодня это замечали не только люди, с которыми ему приходилось контактировать, но и он сам.

Накануне, ближе к полуночи, произошло событие предсказуемое, но оттого не менее печальное. Лев Семенович остался в лаборатории допоздна, так как не мог бросить незавершенным анализ крови инфицированной особи, клетки которой боролись с геномом новейшего штамма вируса бешенства.

В образцах обнаружили антитела, способные послужить материалом для более сильной вакцины, чем 201-С. Горбовский воспрянул духом, но решил не бросаться в открытие сломя голову, а отложить на завтра, ибо время было позднее. Он мог бы остаться и работать всю ночь в любой другой раз, и этому бы никто не удивился, но сегодня не чувствовал себя настолько работоспособным.

Оставив биологические образцы в хранилище, Лев Семенович отправился в последний раз проверить состояние девятьсот девятого. Крыса была мертва. Льву пришлось утилизировать тельце, на которое возлагались такие надежды.

А ночью проклятый вертолет снова забрал у него близких, и ничего нельзя было сделать, как и всегда. Как бы ему ни хотелось противостоять всемогуществу силы, заключенной в образе серо-зеленой металлической стрекозы, он не мог даже сдвинуться с места, будто застыл в киселе, сваренном из своих же страхов. Так бывает во многих кошмарах, когда тебе нужно бежать со всех ног, а ты не можешь даже шевельнуть пальцем.

Горбовского угнетала собственная беспомощность. Сон заканчивался, но каждый раз оставлял отвратительный осадок, будто на глаза оседала пелена, на зубы – песок, на кожу по всему телу – липкий белесый налет (видимо, следы того самого киселя, из которого невозможно было выбраться, чтобы спасти жену и ребенка).

А сегодня утром, для полноты картины, дома не обнаружилось никакой еды. Абсолютно ничего съедобного. Горбовский всегда забывал о таком важном деле как покупка продуктов и питался в основном где-нибудь и лишь бы чем. Как все ученые, помешанные на своем деле, он мало внимания уделял питанию, внешнему виду и прочим мелочам социально-бытового характера.

Зачем ухаживать за собой и баловать себя, когда есть занятия посущественнее? Оттого и телосложение у него было далеко от упитанного, особенно это выделялось на фоне роста. Приятной внешностью Горбовский тоже не был наделен: все, что происходило у него в душе, без промедления отражалось на лице, придавая ему желчность и злобливость, вырисовывая глубокие морщины и резкие складки. От женщин бегать не приходилось – они сами сторонились Льва. И это отнюдь его не волновало. Единственным его увлечением была вирусология.

Сегодня Лев Семенович планировал дать студентам небольшую работу на проверку знаний. Его все еще мучила мысль, что кто-то из инфузорий планирует обмануть его. Эта мысль становилась навязчивой. Горбовскому хотелось вычислить этого человека заранее и наконец покончить с этим. Он без раздумий ударил бы того, кто скажет: «Лев Семенович, да ведь это

паранойя!» Ему до одури надоели эти безмозглые юнцы, которых он тщетно пытался обучить и развить, не встречая с их стороны никакой инициативы, никакого интереса и никаких потенциальных талантов.

– Последние учебные дни приближаются, – мрачно сказал он, едва вошел в аудиторию, – никто не передумал по поводу практики?

«Ну вот, снова пытаться будет», – подумала Марина.

Девушка сидела на первом ряду, как всегда, чуть поодаль от кафедры, и следила за тем, как преподаватель, будто белое привидение, проносится мимо нее. Она заметила, что Горбовский бледен и изможден, словно спал очень мало либо же не спал вовсе. Ей вдруг стало тошно оттого, что она рассматривает его, примечает и неосознанно пытается расшифровать какие-то мелкие детали, на которые все остальные просто не обращают внимания.

Одновременно она хотела и не хотела понять этого отталкивающего человека.

Аудитория затихла настолько, что не было слышно даже дыхания. Горбовский встал за кафедрой и прищурился, протер переносицу, зажмурился на секунду.

«Да, и правда, красные глаза. Кажется, они у него всегда такие были? Почему я раньше не замечала?»

– Значит, нет. Мудрое решение, кстати. Что совсем не свойственно таким существам, как вы, – Лев Семенович помолчал, озадаченно глядя куда-то в сторону, потом опомнился. – Ну что ж. Сейчас мы проведем тест. Небольшой. Десять вопросов. Это поможет мне, а в большей мере вам всем, узнать свой уровень знаний и в очередной раз понять, что работу над собой никто не отменял.

Студенты зашелестели, вырывая листы из тетрадей и чуть слышно перешептываясь. Никто не мог понять, к чему понадобился этот тест – Горбовский не любил такого метода проверки и не считал его серьезным. Марина догадывалась. Сдерживая усмешку, она смотрела на свои костлявые кисти и ждала, пока ее догадка оправдается.

– Можете не подписывать. Сдавать не будете. Проверите сами. Если у кого-то будет хотя бы пять верных ответов, вы меня удивите.

Льва уже давно не трогало, что аудитория предпочитает не отвечать ему. Как будто он не дает им слова, даже когда задает вопросы. Самым ясным ответом всегда было молчание, и Горбовскому этого хватало. У него не было обратной связи со студентами. Говорил – он, они – молча внимали и фиксировали его слова либо в памяти, либо на бумаге. Редко кто осмеливался проявлять инициативу и спрашивать о чем-то Льва Семеновича.

– Действуем так, – Горбовский, заложив руки за спину, начал прохаживаться вдоль первого ряда парт, словно тюремный надзиратель, – я высказываю утверждение, а вы оцениваете его на правдивость, делаете вывод и записываете: «да» или «нет». Все предельно просто. Итак. Первое утверждение. Прионы – это инфекционные белковые молекулы, не содержащие ДНК...

На пятом вопросе взгляды Марины и Льва Семеновича случайно пересеклись. Самое странное было в том, что никто из них не отвел глаз. Они как будто оба ожидали, что это сделает другой, а когда этого не произошло, оба удивились, и оттого продолжали настойчиво смотреть. Прошло несколько секунд, и Горбовский стал догадываться, что это *она*, именно она, та самая мерзавка, возомнившая из себя не пойми что. Неясно, как он это понял, скорее почувствовал, вместе с презрением и глухим гневом где-то в недрах себя. Что-то было в выражении ее лица... что-то вызывающее.

Горбовский отвернулся и продолжил диктовать.

Марина знала, что Лев Семенович затеял этот тест ради того, чтобы наглядно показать студентам, что в практической микробиологии они находятся где-то на уровне дна морского. Это было непосредственно связано с предстоящей практикой.

«И что же он так уперся рогом? Неужели настолько нас не переносит, что не сумеет стерпеть хоть одного студента в своей цитадели?»

Глядя в глаза вирусолога, синие, с оттенком стали, казалось, будто кусаешь зубами железо, а рот наполняется соленой теплой кровью. Это ощущение нельзя было долго терпеть. Марине очень захотелось доказать этой сволочи, что она – достойна. На секунду ей показалось, что преподаватель прочел ее мысли, догадался о ее намерениях.

Резкие и неприятные черты лица Льва Семеновича при ближайшем рассмотрении гармонировали между собой, создавая правильное, почти аристократичное единство. Подобная эстетика отвратительного была чем-то новым для Марины. Словно находить прекрасными самых мерзких насекомых – долго наблюдать за ними и вдруг заметить странную, прежде невидимую гармонию в их внешнем виде.

Высокий лоб, идеально прямой нос, длинные плавные изгибы темных бровей, глубоко посаженные большие умные глаза, обрамленные тенью, как черным кружевом. Страшные глаза, пугающие, слишком пронизательные. Это два мощных фонаря, только они не освещают, а наоборот, затемняют область лица от бровей до носа, и воздух, находящийся перед ними, сгущается и дрожит подобно мареву над костром. Огромной силой обладает этот взгляд, силой, которую его владелец даже не ведает.

Утверждения кончились, Горбовский назвал верные ответы. Великолепная память позволяла ему сделать это без заминки.

– У кого хотя бы пять верных ответов? – спросил он, понимая, что сейчас, как и всегда, никто не ответит. Но внезапно ему стало интересно, как ответила подозреваемая, и он вновь направил на нее два фонаря, проецирующие не свет, а столб невидимого мрака. Марина смотрела на него и молчала, но ее взгляд все говорил без слов.

– Сколько у Вас? – спросил он и кланулся зубами.

Аудитория замерла. Горбовский впервые обращался к кому-то лично, еще и «на Вы». Теперь все смотрели на Марину. Она покусывала губу и дразнище глядела в глаза Горбовскому, решая про себя, какой стратегии лучше придерживаться. Ей так хотелось проучить эту тварь, и сейчас у нее для этого как раз были все козыри на руках.

– Девять, – ответила она.

– Девять, – повторил он насмешливо.

Последовала короткая пауза. Лев Семенович подошел, взял листок и пробежал глазами.

– Неплохо, – оценил он, выказывая чудеса самообладания. – Как Ваша фамилия?

– Спицына.

– Подойдите после занятия.

Всю пару Марину трясло от волнения. «Зачем он это сказал? Что он собирается сделать? Ну не убьет же он меня! Надо было соврать, необходимо было соврать, прикинуться такой же идиоткой, как все!» Марина корила себя за то, что выбрала не ту схему действий и раньше времени открыла Горбовскому свой потенциал. Теперь она чувствовала себя незащищенной, без джокера в рукаве, без запасного плана, без плана вообще.

Лев Семенович решил не впадать в ярость, а тихо и мягко постараться вывести студентку на чистую воду. Он собирался сдерживаться до тех пор, пока она не скажет правду. Не стоило пугать ее сейчас – можно спровоцировать на вранье. Обрушиться на нее можно и после, когда догадка подтвердится.

Собрав волю в кулак, Марина подошла к его кафедре, когда все остальные спешили скорее уйти. Она предвкушала предстоящую беседу так же, как осужденный на смертную казнь предвкушает рассвета, но дала себе слово не проговориться и все отрицать.

– Спицына, – констатировал вирусолог.

Так необычно было слышать свою фамилию из уст этого человека, голос которого трещал, словно сухое полено в костре; губы которого, тонкие и прямые, как лезвие, почти не шевелились; глаза которого источали полосы черного света, направленные на нее.

Марина не сочла нужным что-либо отвечать, предоставив Льву Семеновичу сканировать себя. Горбовский молча смотрел на довольно высокую девушку, шатенку с густыми волосами, убранными в аккуратный хвост; одетую просто и неброско. Тут он понял, что молчание затянулось. Студентка не шла на контакт, глядя на него исподлобья карими с зеленцой глазами.

– Ваш результат впечатляет. С таким уровнем знаний Вы легко пройдете комиссию.

Марина снова молчала, будто издевалась над ним, и Горбовский спросил в лоб:

– Вы не думали об этом?

– Нет.

Лев Семенович почуял грубую ложь, у него возникло желание ударить студентку по лицу. Как она смеет лгать, глядя ему прямо в глаза, стоя вот так перед ним? Он сдержался.

– Тем лучше для Вас.

– Это все?

– Это все.

Марина по-военному развернулась и промаршировала к выходу. Горбовский остался один. Примерно минуту спустя, заполняя учебный план, Лев Семенович вдруг понял, что внешность этой студентки врезалась ему в память. Однако, как только он попал в лабораторию, все мысли, не касающиеся работы, выветрились из головы.

Сегодня весь НИИ шумел о том, что в Мозамбике дала о себе знать вспышка новой болезни – несколько человек скончались в течение двух суток с одинаковыми симптомами. Пока что об этом было настолько мало известно, что не о чем было и говорить. Однако говорить хотелось всем.

Ученые из разных секций собрались в зале заседаний на импровизированный симпозиум, куда мгновенно привлекли и Горбовского. Они взволнованно обсуждали ситуацию, пока что в шутливой форме, изредка перекидываясь фразами типа: «Вот, скоро нам работки прибавится», или «Кажется, скоро весь НИИ будет заниматься одной вирусологией» и тому подобными. Напряженные улыбки не сходили с обеспокоенных лиц. Ученые ждали, что реальность вскоре переубедит их, что все образумится, что их заявления так и останутся шутками.

Горбовскому было не по себе. В отличие от коллег, он чуял опасность сильнее, четче. К тому же эти слухи болезненно напоминали ему о прошлом. Вернувшись домой поздно, он долго мучился от бессонницы, а когда уснул, ему ничего не снилось.

Глава 9. Огненный шторм

«Хороший, конечно, это был выход, но уж больно плохой».
Бр. Стругацкие, «Отель „У погибшего альпиниста“»

Сам того не понимая, Горбовский своим тестом спровоцировал Марину действовать более решительно.

Он рассчитывал на противоположный исход, но девушка, опробовав свои силы и увидев, что ее результат близок к высшему баллу, поверила в себя и всерьез начала готовиться. Ее немного беспокоило, что пришлось солгать Льву Семеновичу, но ведь это ее личное дело, тем более, к нему в отдел она точно не пойдет.

Нужно только очень постараться во время комиссии, а дальше беспокоиться будет не о чем. Главное – прорвать первый фланг, на котором будет ждать ее атаки проницательный Горбовский, готовый ответить на любое нападение.

И как он догадался? Неужели выражение лица выдало ее?

«Подумать только. Я проведу это лето с пользой, я буду практиканткой в настоящем научно-исследовательском институте! Вершина моих мечтаний почти достигнута», – рассуждала Марина, и этим рвением напоминала героев советских фантастических книг, для которых самым лучшим вариантом траты свободного времени была научная деятельность. Людей с таким складом личности не могут остановить никакие трудности, так и Марину не мог остановить огромный объем информации, должный быть выученным как дважды два. На следующий день она записалась в претенденты, с удивлением обнаружив, что в списке уже значатся две фамилии. Как и она, эти двое предпочли молчать перед Горбовским, а записаться на кафедре.

Жить после этого шага стало страшнее, но, с другой стороны, и легче. Теперь все было решено, все было точно и безоговорочно. Была ясная цель, к которой надо стремиться, ради достижения которой стоило тратить все свободное время. У Марины не оставалось ни сил, ни желания ругаться с отцом, и на его провокации в период подготовки она реагировала вяло. Скандалов не получалось.

Зато время побежало так быстро, как может убежать лишь раненый и сильно напуганный зверь. Май утекал сквозь пальцы, пока не настал день «Страшного Суда».

Горбовский до самого конца ничего не знал, а потому неприятно удивился, когда в аудиторию явилось четверо смельчаков. Он был уверен, что полностью владеет ситуацией, но оказалось, студенты обошли его окольными путями, а из преподавателей никто не стал его оповещать. Лев Семенович сделал вид, что не удивлен. Однако скрывать свой гнев было намного труднее, чем удивление.

Кроме Марины, пришли еще два студента из параллельной группы: один рыжий и конопатый, другой – высокий, с породистым лицом. Четвертым был Матвей.

Для Марины его появление стало неприятной неожиданностью. Бессонов предпринял этот смелый шаг из личных побуждений – он многое бы отдал, чтобы провести все лето бок о бок с Мариной, иметь возможность видеть ее, говорить с ней, может быть, даже помириться и все вернуть. Откуда он узнал ее планы? Ему были прекрасно известны амбиции и мечты бывшей девушки. Сопоставив факты, он здраво рассудил, что она, скорее всего, постарается не упустить такой великолепный шанс зарекомендовать себя и пробить дорогу к вожаемой карьере. Если бы он оказался не прав, он бы ничего не потерял. Но Матвей оказался прав и теперь торжествовал, несмотря на то, что был практически не готов пройти это испытание. Как обычно, он надеялся на опыт и интуицию, а еще на удачу.

Горбовский был взбешен. Он целый месяц допрашивал студентов, а они бессовестно обманывали его. Лев Семенович физически не переносил ложь наряду со многими другими признаками безответственности. Жизнь сделала из него жестокого циника, не верящего ни во что, кроме голых фактов, но не лишила морали, а возвела ее в абсолют, изуродовала и оставила в форме прокрученного через мясорубку мировосприятия, полного принципов и стереотипов.

Горбовского грела мысль о том, как он отыграется на беспечных глупцах. Только это и позволяло держать себя в руках. Кроме Льва Семеновича членами комиссии были три специалиста из НИИ, Юрек Пшежень (по личному желанию) и Борис Иванович как организатор идеи. Не тратя времени на разговоры, каждому студенту раздали листы и пятьюдесятью вопросами и пятью практическими заданиями, которые были составлены Горбовским, а потому требовали нестандартного ума и большого опыта.

Претенденты приступили к работе.

Внезапно Лев Семенович подорвался с места и принялся ходить между рядами, заложив руки за спину. Он следил, чтобы никто не списывал, а также изрядно действовал на нервы студентам, и без того взволнованным. Когда он наткнулся взглядом на Марину, изнутри его обжигала ярость, он терял самообладание. «Мерзавка, гадина», – говорил он сам себе, лавируя между партами.

Больше всего раздражало, как эта Спицына сейчас беспечна и до хамства самоуверенна. Горбовскому хотелось как можно скорее завалить ее, он был до глубины души возмущен ее дерзостью. Из всех четверых он проникся лютой ненавистью только к той, которая нагло солгала ему прямо в глаза и пришла сюда, не постеснявшись этого.

Прекрасно зная, как студенты его боятся, Горбовский решил извести Спицыной нервы: он ходил мимо нее чаще, чем мимо других, слегка наклонялся, заглядывал в лист с ее работой, желая сбить с толку, периодически задавал вопросы на счет ее готовности. Внешне невозмутимая Марина на самом деле чертовски нервничала. Ей было настолько страшно, что адреналин активизировал работу мозга и освежил память. Она вспоминала даже то, что вскользь пробежала глазами, и идеально отвечала на то, что помнила откровенно средне.

Справиться с вопросами и безукоризненно решить все задания, которые составлял Горбовский, рассчитывая всех завалить, Марина не смогла бы, если бы не испытывала такого стресса. Сам того не желая, Лев Семенович, усердно нагнетающий обстановку, вторично помог девушке преодолеть себя. Если бы он только знал, что его действия возымеют прямо противоположный эффект!

Спустя час Горбовский в очередной раз спросил, готова ли Марина, и когда она тихо ответила, что готова, вырвал лист из ее рук и впился в него глазами, не сходя с места. Он жаждал разбить ее самоуверенность, сокрушить амбиции, приведшие ее сюда. Марина смотрела на него снизу вверх, почти теряя сознание – Горбовский возвышался над нею, он был накален добела, воздух перед лицом дрожал, как в знойный день дрожит над асфальтом. Марина держалась, повторяя себе, что если сейчас упадет в обморок, точно не зарекомендует себя стрессоустойчивой.

Льва Семеновича трясло, он был в предвкушении того, как вот-вот унизит эту выскочку и навсегда растопчет ее самомнение. Он пробежал глазами строку за строкой и не находил ни одной ошибки. В отчаянии он обнаружил, что ему даже не к чему придраться, чтобы не выставить себя идиотом перед коллегами. Проверив работу Спицыной один раз, он не сдался, а стал проверять по-новой, подозревая, что в гневе мог что-то пропустить.

– Лев Семенович, позвольте, это неправильно. Проверять работы должны все члены комиссии, и на это отведено специальное время и место. Я требую соблюдения протокола, – заявил Зиненко, заведующий секцией генной инженерии.

Горбовский на миг обернулся к столу, за которым заседала комиссия. Этого хватило, чтобы Петр Павлович замолчал, стиснув зубы. Вирусолог перепроверял работу в третий раз.

– Лев Семенович, и все же, дайте проверить остальным, – мягко попросил Пшежень.

Горбовский не реагировал. Началась какая-то сумятица. Заволновались студенты. Никто не понимал, что происходит, что на этот раз затеял Лев Семенович. Лицо у него вдруг изменилось.

– Я понял, – произнес он, оборачиваясь, – она списывала!

– Как можно было, Лев Семенович!

– Да что Вы такое говорите, Лев Семенович! Ведь Вы сами ходили по аудитории, наблюдая за ними.

– Списывать было невозможно!

Все заговорили вразнобой. Кое-кто даже привстал от возмущения.

– Ну, это уж выходки. Помешался он, что ли?

– Лев Семенович, я требую, чтобы Вы немедленно сели на свое место, отдали тест нам и спокойно дождались завершения работы других студентов, – заявил Борис Иванович.

– А я требую, чтобы она, – Горбовский показал пальцем, – ответила мне устно!

– Это не по протоколу!

– Не по правилам, Горбовский!

– А остальные студенты как же?

Лев Семенович был ошарашен. Он не верил своим глазам. Как она могла ответить на все вопросы, составленные им? Как она смогла решить все задания верно? Откуда у нее такой запас знаний? Естественно, это невозможно. Следовательно, она списывала. Списывала значит обманывала. Вторично. Он понимал, что эту девушку могут утвердить на практику, и, дабы предотвратить эту ошибку, готов был нарушать все принятые порядки.

– Мне плевать на протокол, правила и других студентов, – процедил Горбовский.

Его ужасало, что может вот-вот случиться то, против чего он так яростно выступал все это время. И у него даже нет оснований не допустить ее, он и так уже пересекает последнюю черту субъективности. Председатель комиссии не должен так себя вести.

– Так нельзя, Лев Семенович. Вы забываетесь.

– Я проверю работы остальных! Проверю! В тесте этой девушки нет ни одной ошибки, и я как составитель говорю вам – это невозможно честным путем. Но если вы настаиваете на обратном, принимайте мои условия: три ошибки в тесте остальных – автоматический недопуск.

Ошеломленная необъяснимо острой реакцией на происходящее, комиссия молчала. Ученые растерялись, не зная, что предпринять, чтобы побороть ярость этого урагана. Горбовский тем временем выхватил лист Матвея, пробежал глазами, нервно рассмеялся.

– Первые же три ответа неверны. Есть ли смысл проверять дальше? – сказав это, он разорвал лист надвое и бросил на пол. – Вы свободны.

Бессонов поднялся и вышел, не сказав ни слова. Никто так и не узнал, сколько надежд он возлагал на это предприятие и как сильно расстроился, когда оно не выгорело. Та же участь постигла двух оставшихся парней – конопатого и породистого. Они тоже ушли молча, понимая, что воевать с Горбовским – себе дороже. Но, в отличие от Матвея, эти двое не расстроились неудаче, наоборот, обрадовались тому, что этот ужас, наконец, кончился.

Глядя на все это бесчинство и ожидая исхода, Марина прониклась еще большим презрением к Горбовскому, чем ранее. «Он ненавидит людей и не дает им шанса. Сам как машина и требует того же от остальных. Вредный самовлюбленный мерзавец. И, кажется, его бесит один мой вид». В этом приступе страха, омерзения и ненависти ей в голову пришла безумная идея.

В аудитории остались только члены комиссии (председатель стоял особняком) и дрожащая нутром Марина.

– Проверка остальных студентов лишь ярче доказывает мою правоту, – сказал Горбовский. – Итак, устный опрос решит все. Я знаю, что это не по протоколу, но я не верю ей. Про-

пускать в лабораторию ненадежного человека я не собираюсь. Устная беседа отбросит мои сомнения.

Комиссия стала совещаться. Заранее все склонялись к тому, чтобы согласиться с Горбовским и дать ему ошибиться. Это однозначный (и, наверное, единственный) способ уговорить его. Марина была абсолютно уверена, что ответит на все устные вопросы. Гнев Горбовского пугал ее, но одновременно придавал сил и очень бодрил память.

– Решение председателя комиссии было рассмотрено, – сказал Борис Иванович. – Комиссия постановила: провести устный опрос по желанию самого студента. В случае отказа студент не получает допуска на летнюю практику в лабораторию, в случае соглашения и успешного прохождения студент будет допущен. Итак, Марина... Леонидовна? Да. Вы соглашаетесь действовать не по правилам, чтобы получить допуск и рекомендации комиссии?

Горбовский повернулся к парте, за которой сидела Спицына. Расправив плечи, девушка кивнула.

– Отлично, – Лев Семенович скрестил руки на груди и встал в позу, почти превратившись в камень. – Тогда, если уж мы действуем не по протоколу, покиньте помещение и оставьте нас с глазу на глаз – это мое условие как председателя комиссии.

Борис Иванович попытался запротестовать, но Горбовский осадил его:

– Прошу заметить, что не кто иной, как Вы сами, назначили меня председателем. Мое слово здесь – решающее. Так что извольте выйти, господа.

Пшежень попытался урезонить Горбовского, но тот еще больше взбесился и стал греметь мебелью. Пришлось действительно выйти всем. Спицына и Горбовский остались наедине. Стоит ли описывать, что Марина впервые в жизни испытывала такой животный, первобытный страх?

Коронным движением откинув полы халата, Горбовский сел напротив девушки. Так близко они еще никогда не находились. Казалось, сама Смерть смотрит ей в лицо, и терять уже нечего. В ней проснулась запуганная наглость. Проигрывать надо так, чтобы вкус победы у победителя сделался горьким. Марина решила быть дерзкой, ведь отступить, дойдя до такого, просто глупо. Она открыто заглянула в лицо Горбовского с непреодолимым желанием довести его до предела ярости, чтобы он не сдержался и ударил ее, чтобы его уволили за это к чертовой матери.

Они долго смотрели друг на друга и не произносили ни слова. Их взгляды и без того выражали весь спектр эмоций.

– Обманывать плохо, – сказал Горбовский, разлепив потрескавшиеся губы. Голос его был так же сух, и глаза не блестели. Весь он казался Марине иссушенной бездушной деревяшкой, не заслуживающей ничего, кроме презрения.

– Это не вопрос по теме. Не тратьте времени зря, – посоветовала она.

Шокированный вирусолог откинулся на спинку стула, отстранившись от девушки, как от заразной. Он впервые настолько ненавидел человека, что у него перехватило дыхание, а в голове не возникало никаких слов для ответа. Лев Семенович даже не подозревал, что в тот же момент сидящая напротив него грубиянка буквально умирает от страха.

Опомнившись, Горбовский устроил Марине жестокий допрос. Спицына на все отвечала, ибо чем больше боялась, тем больше вспоминала. Борис Иванович и заведующий секцией микробиологии подслушивали под дверь. Пшежень ходил назад-вперед, периодически изрекая, что девчонка, в принципе, умна, и надо ее брать. Остальные стояли молча.

Наконец Горбовский пулей вылетел из аудитории. Пшежень схватил его за рукав халата и остановил, тщетно пытаясь успокоить:

– Лева, Лева, стой, остановись же, говорю тебе, приди в себя, хотя бы ради субординации. Я тебе говорю как начальник подчиненному: хватит, *прекрати* этот балаган.

Горбовский молчал. Скулы шевелились на его лице, как полуживые черви, ноздри гневно раздувались.

– Ну? Говори что-нибудь.

– Я не знаю, как она это делает. Не понимаю... все верно, верно. Абсолютно правильно.

Льву Семеновичу было не по себе – с ним довольно давно не случилось эмоциональных потрясений.

– Так что ж, собственно, – тихо резюмировал Борис Иванович, словно опасаясь, что Горбовский набросится на него, – значит, допускаем?

Прошло несколько секунд молчания. Лев Семенович потер переносицу, пытаясь прийти в себя.

– Да. Пропускайте, – сказал он, признавая свое поражение в интеллектуальной борьбе с этой наглой девчонкой и поклявшись себе, что это еще не конец. Проиграно сражение, но не война.

Крамарь, хлопнув в ладоши, поспешил заявить:

– Чур – моя!

– Нет, я беру ее себе! – повысил голос Зиненко, делая решительный шаг на Крамаря, с которым, вообще-то, был довольно дружен.

– Пусть решает сама, – авторитетно рассудил Пшежень. – Девочка приложила немало усилий, чтобы пробиться, и чего ради? Чтобы потом ей не оставили выбора? Ручаюсь, у нее есть личные предпочтения.

– Юрек Андреевич прав. Идемте.

Все возвратились в аудиторию, Горбовский плелся последним, еле переставляя длинные ноги. Он был морально истощен, но самое интересное ему только предстояло узнать. И он, и Марина не успели прийти в себя после вспышки ярости, пронесшейся между ними, словно огненный шторм. Сейчас они избегали зрительного контакта.

– Итак, Марина, э-э, Леонидовна, – начал Борис Иванович, понимая, что председатель комиссии не в состоянии подвести итоги, – комиссия решила допустить Вас к практике в одной из лабораторий НИИ имени Златогорова. Ну, долой формальности, скажите же, иначе за Вас подерутся, в каком отделе Вы хотите провести лето?

Не дав Марине ответить, Зиненко и Крамарь принялись наперебой описывать преимущества генной инженерии и микробиологии, не забыв также напомнить о теплых отношениях в коллективе. Иначе и быть не могло. Выслушав их, Марина окончательно решила реализовать безумную идею.

– А что на счет отдела вирусологии? – помолчав, спросила она у Юрека Андреевича, подчеркнуто игнорируя Горбовского.

Пшежень растерялся. Растерялись все. Лев Семенович впервые за весь диалог поднял голову, которую держал опущенной на грудь.

– Ну, в силу сложившихся обстоятельств... – забубнил Пшежень, – небезызвестных нам всем... не могу гарантировать теплых отношений в коллективе, как мои коллеги, и в этом буду честен... Но, говоря за себя, я буду только рад, только рад... Кхм. Если Вы хотите в будущем посвятить себя спасению человеческих жизней, то должны прийти к нам. Однако предупреждаю, этой особый риск... но у нас оч-чень много интересного!

В ошеломлении Горбовский смотрел Марине в глаза. Он уже догадался, что она выберет, и снова чувствовал себя стукнутым обухом по голове. Лев Семенович не понимал, зачем она это делает, почему не боится его после всего, что только что было. Пшежень заметил, что они смотрят друг на друга, и каждый чего-то выжидает.

– Я выбираю секцию вирусологии.

Комиссия безмолвствовала. Юрек Андреевич улыбался, держа на уме что-то забавное и никому неведомое.

Глава 10. Вживание

«Среди них никто точно не знал, что такое счастье и в чем именно смысл жизни. И они приняли рабочую гипотезу, что счастье в непрерывном познании неизвестного и смысл жизни в том же».

Бр. Стругацкие, «Понедельник начинается в субботу»

Горбовский подскочил на кровати, взмахнув руками.

Дыхание было прерывистым, как после безостановочного бега. Одеяло свалилось на пол, в распахнутое настежь окно светила луна. Ее свежее бледно-голубое сияние выделяло контуры спальни, под завязку забитой вязким мраком.

Лев Семенович сел, собираясь с мыслями. Сознание уже вернулось в реальность, но сердцебиение не успокаивалось. Он поднялся и пошел на кухню, чтобы попить воды. Во рту пересохло.

Самое странное и страшное заключалось в том, что кошмар изменился, не перестав быть кошмаром. Впервые за столько лет. От этого было еще более не по себе, чем обычно. Горбовский прокручивал сюжет в голове, пытаясь осмыслить его. Он был уверен, что это имеет значение. Если его сон поменялся, значит, тому должна быть причина. Все в этом мире имеет причинно-следственную связь.

Вот он, как обычно, возникает в поле. С этого начинался каждый сон. Что было не так? То же синее небо, та же зеленая высокая трава. Не было слышно детского смеха. Не прибежал Кирилл. Лев сам отправился на поиски сына.

Тот сидел с матерью у реки. Горбовский позвал их, но жена и сын не обернулись. Нужно было спасти их, вот-вот должен был появиться вертолет. Он крикнул сильнее, ускорил шаг. Никакой реакции. Будто бы они находились в разных мирах. Мало того, сколько бы Горбовский ни шел, он не становился ближе к родным. Словно они одновременно отдалялись от него. Но две изящные фигурки сидели на прежнем месте, не двигаясь.

Лев ринулся быстрее. Увеличение скорости увеличило и расстояние к цели. Будто новые пласты почвы возникали прямо из-под земли. Пространство заполнялось травой, растягиваясь, а не сокращаясь. Казалось, это длится вечность. Но слышался шум. Над горизонтом затемнело пятно, возрастая в размерах с каждой секундой. Лев закричал:

– Алена! Кирилл! Бегите! Бегите-е!

Он мчался со всех ног, он падал, он полз, поднимался и снова бежал, но не мог приблизиться к семье более чем на двадцать метров. В отличие от вертолета. Слезы катились по его щекам, зубы скрежетали. Ничего нельзя было сделать. Почему они не слышат его?

Молодая женщина и мальчик продолжали беспечно сидеть у реки до тех пор, пока стальная машина не зависла чуть в стороне от них. Горбовский упал на колени, обессилив, закрыл мокрое лицо руками.

– Сынок... дорогая... родные мои... – шептал он на грани слышимости.

Кто-то, сидящий в кабине, в упор расстрелял двух человек, держащихся за руки, из крупнокалиберного пулемета. Длинная очередь пробежалась по песку, по глади реки, по человеческой плоти. Горбовский прекрасно видел, как пули насквозь изрешетили тела, вырываясь из спин вместе с фонтанами крови. Инерционная сила отбросила их назад, а Лев, рыдая, повалился на бок и утонул в траве.

Тут он проснулся. Как всегда, было самое время вставать на работу. Потребовалось немало усилий, чтобы отойти ото сна. Через час он уже был в лаборатории: занятия в институте закончились из-за каникул, и Горбовский перешел на полную ставку.

Коротко пообщавшись с коллегами, он раздражился от их взбудораженности и ушел проводить диагностику хранилища. Льву Семеновичу очень не нравилась особенная воодушевленность Гордеева и Гаева, а также вопрошающие взгляды Юрека Андреевича. Причиной этого ажиотажа была Спицына и ее первый день на практике.

Наслышанные о том, как прошла комиссия, Слава и Саша жаждали увидеть ту самую, что довела каменного Горбовского до трещины, заставив капитулировать. Все утро они только об этом и разговаривали, будто забыв об обязанностях, да еще и успели посетить другие отделы, поднять волнение там. Улей был растревожен. Крамарь и Зиненко все еще не теряли надежды переманить студентку к себе, а потому стерегли момент, когда она появится, чтобы перехватить.

– Горбовский у нас сегодня поистине лев – угрюмый, мрачный и величественный, — услышал Лев Семенович снаружи, копаясь в хранилище. Дверь была приоткрыта.

– Все из-за Спицыной. Ему нелегко пришлось. Он не хотел ее пропускать.

– Ой, как бы чего не вышло, Юрек Андреевич. Найдет коса на камень...

– Уже нашла, Слава. Девочка с характером, да еще с каким.

– И вот вопрос: кто из них коса, а кто – камень?

Горбовский слушал, потихоньку выкручивая реле на амортизаторе большой центрифуги. Понятно, что за спиной товарищи не станут говорить о нем дурно, но почему-то было любопытно услышать их отношение к ситуации.

– А как она выглядит, Юрек Андреевич?

– Слава, все увидишь скоро. До девяти осталось всего ничего.

– Да не могу я больше терпеть!

– В таком случае тебе лучше заняться работой.

Послышалось недовольное ворчание.

– Все лето впереди – насмотришься еще.

«Да мерзавка из них веревки будет вить, – с отвращением подумал Горбовский. – Еще не явилась, а они уже от нее в восторге. Неужели мне одному видно, какая она на деле лживая тварь?.. И Пшежень туда же, все поглядывает на меня. Что ему нужно?»

Лев Семенович коротко посмотрел на запястье, откинув рукав. Уже пять минут после девяти, а возгласов ритуального поклонения снаружи еще не слышно. Это показалось ему вызывающим – опаздывать в первое же утро своей практики. Горбовский терпеть не мог непунктуальных людей, но у него и без этого было предостаточно причин невзлюбить Спицыну.

В то утро Марина вынуждена была готовить завтрак дважды, по велению Леонида Спицына, который посчитал, что каша пригорела. Из-за этого оба задержались, хотя могли позавтракать бутербродами. Но отец, по обыкновению, пошел на принцип. Когда он, наконец, уехал, Марина побежала на остановку. Ее автобус попал в пробку на полпути к НИИ, и девушке пришлось идти оставшуюся часть пешком. Точнее сказать, не идти, а бежать, проклиная отца за капризы, из-за которых она попадет в лабораторию не вовремя, что явно произведет нехорошее первое впечатление на будущих коллег.

Все складывалось как нельзя хуже.

Плюс ко всему Марина волновалась, что было вполне естественно в ее положении. Первый день. Страшнее и приятнее ничего не может быть. Ее сегодняшнее появление решит очень многое. По меньшей мере, определит отношение коллектива к ней на все лето. А что касается Горбовского... Придется стиснуть зубы крепче и держаться за кровь и потом добытое место. Обязательно будут провокации и издевки, и нужно их игнорировать, чтобы не потерять полученного такой ценой.

В конце концов, она могла пойти в любой другой отдел, ее бы взяли туда с руками и ногами. Но почему она сделала этот необъяснимый выбор? Чтобы еще сильнее насолить ему?

У входа в НИИ с половины девятого патрулировали Крамарь и Зиненко. Первый был жгучим брюнетом фантастического роста, второй выделялся на фоне первого стандартно славянской внешностью. Едва завидев Марину, они набросились на нее.

- А, Спицына, это Вы!
- А мы уж заждались!
- Пойдемте, пойдемте.
- Мы вам НИИ покажем...

Под локти ученые ввели Марину в проходную. Девушка растерялась.

– Простите, мне нужно в свою секцию... я и так... опаздываю, я опаздываю.

– Так мы Вас доставим, не волнуйтесь, – проворковал Крамарь.

– В целостности и сохранности, – добавил Зиненко.

– А Вы нам за это окажете кро-ошечную, буквально мизерную услугу, – дополнил брюнет.

– Какую услугу? – не поняла Марина.

– Всего ничего – прийти к нам в гости, в наши отделы. Как-нибудь, может, не сегодня...

– понимающе заговорил Зиненко.

– Но, возможно, за-автра, – подхватил Крамарь ласковым голосом.

– Мы же понимаем, как много дел будет у Вас сегодня, в первый день.

Они остановились, Марина тоже. Дверь в двух шагах от них вела в лабораторию вирусологии. Крамарь и Зиненко выжидающе глядели на нее, словно готовые исполнить любое ее желание. «Зачем я им понадобилась?» – спрашивала себя Марина и не понимала.

– Обязательно, как-нибудь... – бросила она и ускользнула.

– Пре-лест-на-я, – резюмировал Крамарь, глядя, как дверь за спиной девушки закрылась, и цокнул языком.

– Идемте, коллега. Работа ждет.

– Идемте, товарищ Зиненко. И все-таки она будет у меня.

– Размечтались, Сергей Иванович...

Спицына вошла в так называемую комнату отдыха, когда на часах уже было тринадцать минут десятого. Здесь никого не оказалось, и внутри все сжалось от страха. Марина почти не обратила внимания на то, как выглядит и чем наполнено это помещение. Ее взгляд выделял только следующую дверь, за которой, возможно, ей предстоит встретиться лицом к лицу с Горбовским, столь ненавистным, что...

Марина толкнула дверь от себя и вошла.

Взгляды четверых человек мгновенно поднялись на нее. Последовали улыбки, но не у всех. Кто-то неуверенно поднялся.

– Здравствуйте, – почти прошептала Марина.

Горбовский был здесь, и страх сковал ее сильнее, чем она предполагала.

– Почему Вы опоздали? – сухо осведомился Лев Семенович.

Марина опустила глаза в пол, не имея сейчас достаточно смелости, чтобы принять на себя взгляд двух черных прожекторов, обжигающий и обвиняющий.

– Форс-мажор, больше не повторится.

– Надеюсь. Иначе Вы здесь долго не протянете, *Спицына*.

С какой же ненавистью, с какой же неподдельной и глубокой ненавистью он произнес ее фамилию! У Марины даже челюсть свело. Она решила оставить едкое замечание без ответа и поднять, наконец, взгляд. Первое, что она увидела, это добрая улыбка старенького усатого Юрека Андреевича.

– Мариночка, не стойте на пороге, проходите, – сказал он. – Знакомиться будем.

Делая первый шаг к своим новым коллегам, Спицына перевела взгляд на двух мужчин, смахивающих друг на друга, словно братья. Оба тепло улыбались ей, привстав со своих мест, с выражением некой торжественности на приятных, гладко выбритых лицах.

Один был чуть выше другого, вот и все отличие на первый взгляд. Но тут стало заметно, что у первого и глаза, и волосы светлее, и губы полные, и лицо фактурное, благородное. Он понравился Марине с первого же взгляда. Второй, не такой симпатичный, смотрел на Марину почти влюбленными глазами. И только Горбовский смотрел в микроскоп, делая вид, что совершенно не относится к происходящему.

– Присаживайтесь, Марина, – Пшежень подвинул ей свой стул.

Двое из ларца синхронно сели на свои места, вид у них был взволнованный.

– Спасибо, Юрек Андреевич, – сказала Марина и замолчала.

Присутствие Горбовского в помещении было физически ощутимо, даже если он не попадал в поле зрения. Лев молчал и даже не глядел на них, но он подавлял их всех, включал их всех в себя, он контролировал ситуацию, он один был здесь главным, и все, что происходило в лаборатории, происходило с его позволения и согласия, даже если это не устраивало его. Марине стало душно от этого ощущения. Какой же отвратительный человек. Но все же здесь у него немного другое лицо, нежели в университете. Не менее отталкивающее, но менее жестокое, что ли.

– Как Вас зовут и кто Вы такая, известно уже почти всему НИИ, – улыбаясь, заговорил Пшежень, – так что представлять Вас коллегам я не считаю нужным. Зато представлю Вам тех, кого Вы еще не знаете. Вот этот молодой человек – Вячеслав Гаев, вирусолог, биоинженер, – Юрек Андреевич указал на менее симпатичного, и тот учтиво кивнул в духе кавалеров девятнадцатого века, – справа его верный товарищ – Александр Гордеев, микробиолог высшей категории, а также наш биомеханик. Со старшим научным сотрудником Львом Семеновичем Вы, кхм, знакомы, со мною тоже... но где же Тойво?

В этот момент китайский вирусолог буквально вывалился из двери, ведущей в виварий. Что-то с грохотом упало за его спиной.

– Легок на помине, – хохотнул Гордеев.

– Это наш ценный экспонат – Тойво Ли Кан, специалист из Китая, – улыбнулся Гордеев.

– Я не понять, что есть легкий на поминке, – волновался Тойво, думая, что упустил нечто важное, и русские снова посмеются над ним.

– На помине, а не на поминке, Тойво! Типун тебе на язык.

– Типун? – еще более удивился Ли Кан. – Нужно что-то съесть?

– Забудь. Познакомься лучше, а то уж неприлично.

Ли Кан кивнул девушке, слегка поклонившись корпусом.

– Приятно, Марина... э...

– Просто Марина.

– Гм, так мы тоже можем звать Вас просто Марина? – осведомился Гаев.

«Да он же заигрывает с ней!» – пронеслось у Горбовского.

– Марина Леонидовна, – поправила Спицына с улыбкой.

Она решила быть холодна с этими двумя, потому что кожей ощущала, что они могут начать недвусмысленно липнуть к ее особе. А это будет только мешать.

– Какая Вы строгая, Марина Леонидовна. Только наш Лев Семенович все равно построже будет, мы привыкли к ежовым рукавицам, нас в этом плане не удивить.

Марина взглянула на Горбовского, чтобы увидеть его реакцию на эту смелую реплику в его адрес, но никакой реакции не последовало. Ей показалось крайне странным, что коллеги вот так запросто могут говорить о Горбовском в его же присутствии, а тот даже не замечает. Какие же у них здесь отношения? Она посмотрела на него и внезапно вспомнила, что он ей снился, и сон был отвратительным.

– Что ж, если позволите, я ознакомлю Вас с лабораторией, введу в курс дел и объясню обязанности, – добродушно предложил Пшежень.

– Нет, посидите еще, Марина Леонидовна! Мы ведь едва-едва узнали друг друга. Поговорим немного, а после я и сам могу устроить Вам экскурсию хоть по всему НИИ, – предложил Гордеев.

– Это совершенно ни к чему, – отрезал Горбовский, поднимаясь из-за своего стола, – есть дела поважнее. Кстати, почему Вы не в спецодежде, Спицына? Уже второе нарушение за сегодня, – заметил он, обратив на Марину взгляд, колкий и меткий, как ядовитый дротик.

Марина не нашлась, что ответить, но решила без паники реагировать на замечания. Она была готова к этому, она настраивала себя на то, что Горбовский неизбежно начнет придирается по любому поводу.

– Пока в этом нет ничего страшного, Лев Семенович, – сказал Пшежень. – Дело поправимое.

Горбовский сердито промолчал. Немного погодя он достал из выдвижного ящичка стола белые перчатки и мастерски натянул их на ладони. Марина еле удержалась от вздоха. Она тут же вспомнила отца, и холодок заскользил у нее по шее. Едва Лев Семенович поднялся и ушел в соседнее помещение, диалог с коллективом продолжился в более теплых тонах.

– Не реагируйте на него слишком болезненно, Марина Леонидовна, – заговорщически посоветовал Гордеев. – Это пройдет. Он просто не любит посторонних. Ему надо привыкнуть.

Но Спицына и без этого избрала своей стратегией благоразумие и хладнокровие. Это была уже не та студентка, которая грубила Горбовскому на комиссии и по-хамски разговаривала с ним. Теперь она как будто проникла в недоступное ранее логово врага, и выяснилось, что не так он страшен, и есть предел даже его полномочиям. Сейчас осталась только тихая ненависть, которой нельзя давать волю.

«Не любит посторонних, – подумала девушка, – да он вообще никого не любит».

– Даю голову на отсечение, что Вас подкараулили и перехватили как минимум двое ученых сегодня утром, – загадочно произнес Гаев.

– Абсолютно так.

– Зиненко и Крамарь?

Марина кивнула.

– Ох, бойтесь Крамаря, юная леди, – наставительно помахал пальцем Пшежень. – Вот, кого стоит опасаться молоденьким девушкам вроде Вас.

– Пусть только попробует, – вспыхнул Гордеев, – мы Вас никому не отдадим, Марина Леонидовна. Так что на счет экскурсии по НИИ? Сразу после того, как Юрек Андреевич вычитает Ваши обязанности, разумеется. Ведь долг превыше всего.

Марина прикинула в уме и согласилась, к великой радости двоих из ларца.

Приходить сюда она должна была ежедневно, работать с девяти утра до трех дня с обедом. Работа ее заключалась во многих мелких вещах, напрямую связанных с вирусологией. В основном предстояло делать то, что скажут, покажут и объяснят. В общем, даже дурачок способен справиться, что уж говорить о Спицыной. Пока что все шло довольно неплохо, и даже Горбовский не показывался наружу с того момента, как вышел. Его отсутствие несказанно радовало глаз.

После тщательной инструкции Марине решили сначала показать всю секцию вирусологии, а потом уже вести по другим отделам. Гордеев и Гаев рассказывали вместе, не перебивая друг друга, а великолепно дополняя, как две части одного целого. Вообще у Марины было ощущение, будто она общается с одним человеком, настолько Слава и Саша были схожи в речи, в манерах, в поведении, в отношении к ней. Спицына получила халат и спецобувь и теперь могла быть свободна в течение часа.

– Марина Леонидовна, так почему Вы выбрали нашу секцию? – спросил Гордеев ни с того ни с сего, хотя до этого увлеченно рассказывал ей об устройстве электромикроскопа.

– Это опасно.

– Вот как! Любите опасности?

– Кто не рискует, тот не проходит комиссии, где председатель – Горбовский, – усмехнулся Гаев.

– А вот это – фильтр Пастера... Знаете, кто такой Пастер?... Да, что это я. Вы бы вряд ли сюда попали, если бы не имели понятия о том, кто такой Луи Пастер. Будьте так великодушны и простите меня.

– Не стоит. Так что Вы говорили о конденсоре с ирисовой диафрагмой?

Гордеев и Гаев были в восторге. Их ожидания относительно девушки в полной мере оправдались. Она была умна, знала себе цену, схватывала все не лету и порой позволяла себе маленькие дерзости, которые действовали на двух коллег, как пылкие женские взгляды. Не помня о женах, они увивались вокруг Спицыной, рассказывая и показывая ей все, что только можно было рассказать и показать, вплоть до компьютерных штепселей и содержимого личных блокнотов наблюдений.

Марина почти не слушала их, одновременно вникая во все, что слышала. Ее мысли были заняты важным вопросом. Как эти люди, такие добрые, отзывчивые и приятные, могут работать в одном коллективе с такой бесчувственной сволочью, как Горбовский? Как они терпят его? Видно ведь, что в их мини-коллективе довольно теплые отношения, но как в эту картину вписывается Лев Семенович? Как? Да, несмотря на обычную сухость и резкость, здесь он будто бы мягче голосом и плавнее движениями, но от этого не перестает быть собой.

На самом деле Горбовскому было тяжело держать себя в руках. Он холодно ненавидел Марину и только и ждал случая, чтобы на ней отыграться. Пока все ее обхаживали, он проводил диагностику оборудования в хранилище образцов и скрежетал зубами, вполголоса высказывая проклятия в адрес ненавистной практикантки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.